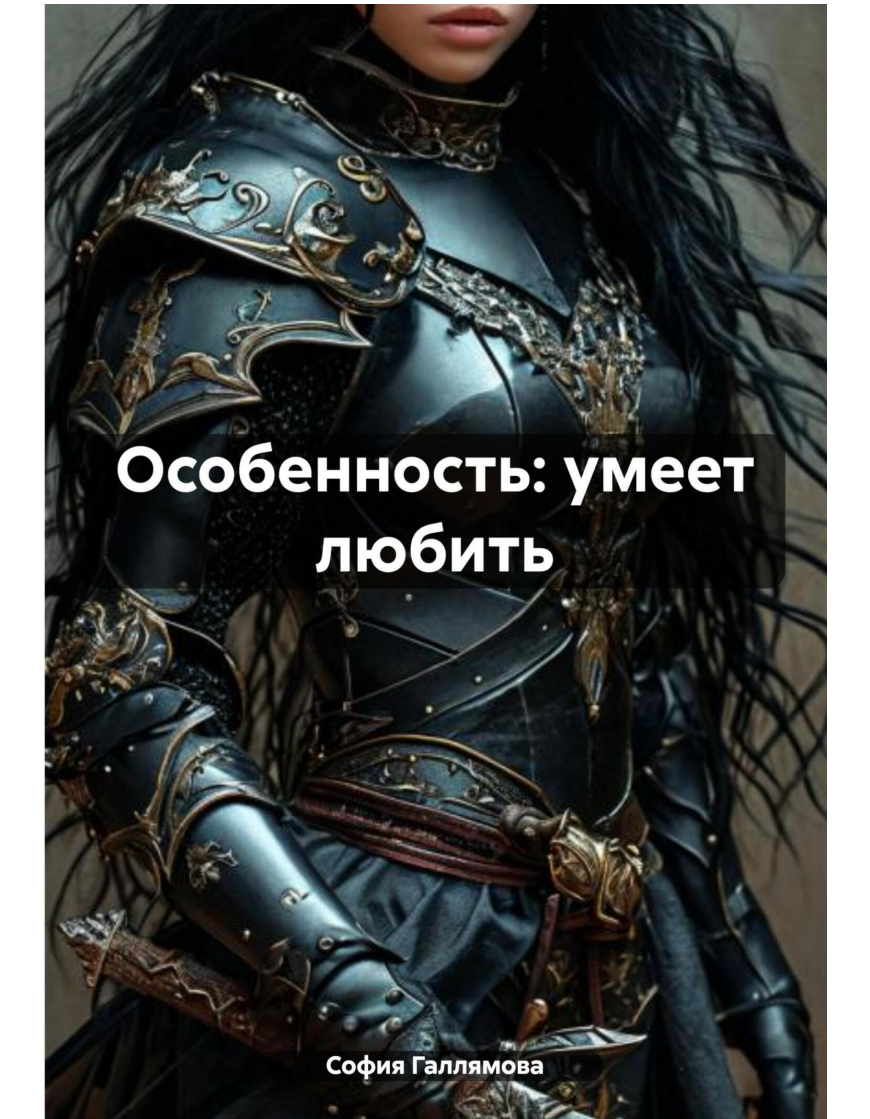

**Особенность: умеет
любить**

София Галлямова

София Шамилевна Галлямова

Особенность: умеет любить

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72038020

SelfPub; 2025

Аннотация

Бенниры... Страна вечной весны, любви и Жизни. Земли, где привыкли видеть лишь прекрасное, восхвалять не Богов, а Жизнь. Проходят столетия, и единое королевство распадается на два независимых – Гримаднесс и Гвельгофринн.

Для общего контроля над конфликтами, ради мира и сохранения добрых отношений, бенниры, люди, маги и оборотни создают Совет и отправляют по паре своих представителей в Защитный Союз. Но почему после этого ничего не наладилось? Небо затянуто серым полотном туч. Ветры бушуют, клонятся к земле вековые великаны, землю осыпает горный песок... Огненными нитями раскалены границы государств, у врат которых чумной лужей расплзается война.

Ответственность за свершение справедливости ложится на плечи героев, объединившихся в случайном стечении обстоятельств. У каждого из них свои мотивы и терзающие вопросы, ответы на которые им ещё только предстоит найти.

Содержание

Часть первая. Глава 1.	4
Шпион	42
Пятая встреча	78
Конец ознакомительного фрагмента.	111

София Галлямова

Особенность: умеет любить

Часть первая. Глава 1.

– Я бы хотела поговорить о наших способностях. Способностях любить. Быть честным – в первую очередь, перед самим собой. О способностях восхищаться чем-то, что другие не способны даже увидеть. Об умениях затаить чувства в сердце, в нужный момент позволить им раскрыться и найти в себе смелость довериться кому-то впервые. Перебороть в себе сомнения, а из противоречий найти то, что ближе сердцу. И никогда не глушить свой голос, будь то внутренний или внешний.

Тихий шепоток одобрения шелестом пролетел через всю толпу, собравшуюся на празднестве.

– Следуя традициям нашего народа, я говорю о том, чем покорила меня... он, – девушка перевела взгляд на того, о ком мечтала рассказать всему миру. – Вот, кем действительно было похищено моё сердце.

– «Действительно похищено»? Как же вы познакомились? Эти слова заставили меня усомниться в том, что мне о вас рассказывали, – улыбнулся мужчина, который устраивал торжество.

Красавица улыбнулась и прикрыла глаза, дав наконец себе волю вспомнить обо всём, что за этот год случилось. Толпа притихла, наблюдая за тем, как молодая пара берётся за руки, готовясь к очень долгому рассказу...

*В любви ветрах, в порывах страсти,
Огнём плясали души их,
И не страшны сердцам напасти,
Покуда дух силён, велик.
Они не привыкли не верить, сдаваться.
Уйти им на век целью стало туда,
Где в бездне смерти легко потеряться,
И тяжело поклясться в любви "навсегда"
И, может, не его она Джульетта,
И вовсе не Ромео он,
Но для души счастливого поэта
Закон не писан. Свой канон.
И им неизвестно то чувство забвения,
Когда во сердцах их не было огня.
Тёмного мира во них лишь спасение.
Любовь им едина, одна лишь броня.
И жизнь иглой пронзает ткани,
И вышивает боль и смерть,
Но, воздержась от грубой брани,
Хранить продолжают свет и честь.
Пути завяжутся коварными узлами,*

*Глушью дикой станет светлый бор,
Но не завладеют их горячими сердцами
Война, как смерть, и смерть, как вор.*

* * *

(14 апреля 1635 г)

Принцесса уже несколько часов не покидала комнаты, дверь которой открывалась лишь когда того хотела сама её обительница. За двадцать пять лет жизни эти стены стали для девушки убежищем и местом, где спокойно можно было обдумать грядущее, прошедшее, настоящее...

Это была комната искусств. Здесь принцесса выучилась рисовать, красиво писать, играть на флейте и создавать искусные украшения. В основном это были венки на голову и диадемы. Искусство помогало беннирке забыться. Можно было создавать потрясающие картины, надолго задумавшись о чём-то своём, скручивать тонкую леску с проволокой и плести чудные украшения, совершенно не думая о том, как завтра ей придётся вновь ехать куда-то по неровной дороге, учиться или разбирать скопившиеся бумаги.

Король постоянно возил дочь с собой. Будь то праздник во дворце музыки, поэтический вечер или новая пьеса в театре, примерка новых одеяний, туфель, плащей... Порой ездили и на обед к родственникам королевской семьи – дядюшке и тётушке Монбери. Однако, по правде говоря, совсем не многое приносило юной принцессе радость. Грязь, дорожная пыль, усталость в ногах после походных туфель и узких сапог, ко-

любие дорожные одеяния... Боже правый, кому это может нравиться?! Разве что путнику, блуждающему по миру в поисках себя, дома или простой прекрасной улыбки.

Девушка усмехнулась. Какой безумец покинет пристанище ради одной лишь улыбки? Пусть безумцев в этом мире много, о таком она ещё никогда не слышала, но теперь невольно думала. Найдёт он душе своей милую улыбку... Но что будет дальше? Улыбнётся в ответ и пойдёт прочь?

Игла больно уколола палец. Принцесса ойкнула, но крутить ею у коробочки с серебристым бисером не перестала. Для этого гребешка понадобится бусинка поменьше...

Маленькие шарики насаживались на тонкую иглу, потом соскальзывали в теплую ладонь юной мастерицы. Пара ловких, чуть заметных движений, и пять бисеринок превращались в цветочек. Из десяти получались цветы побольше, а к ним присоединялись зелёные стебли и листочки. Связывались, перекручивались между собой, тем самым собираясь в изящный букетик.

Хозяйка комнаты довольно осмотрела свою работу. Пристав с мягкой табуретки, потянулась к приготовленному заранее гребешку и принялась украшать его букетами цветочков – маленькими и покрупнее.

Чёрные волосы мастерицы были туго собраны в косу, достигающую узкой талии. Посаженные в причёску на коротенькие шпажки маленькие, заметные лишь на свету капельки жемчуга красиво блестели и переливались, особенно ко-

гда падали на них лучи солнца, прошедшие сквозь витражное стекло. Ямочку промеж ключиц щекотал чуть объёмный кулон круглой формы, на поверхности которого были выцарапаны узоры, несколько маленьких роз и листочков. Руки девушки были освобождены от браслетов и колец – эти украшения мешали творить.

Платье из тёмно-синих тканей было выбрано ради удобства, не красоты. Чаще всего именно в нём принцесса проводила время здесь. Никаких колючих кружев и узоров, шуршащего подола, объёмных рукавов и пышных рюшек на воротнике. Обычное платье. Вернее, для принцессы оно было обычным. Любому другому бенниру такое платье могло показаться неприлично дорогим и годным даже для бала или светского приёма. Любой, кто видел девушку в подобном, рассыпался в комплиментах – так она была прекрасна. Благо, простой люд не заставлял её в по-настоящему дорогих одеяниях. Так бы и вскружили им голову привычные для девушки объёмные юбки и сверкающие аксессуары.

«Много о себе думаете, Ваше Высочество» – упрекнула со смешком саму себя принцесса.

Работу над гребнем прервал вежливый стук в дверь. Мاستерица неторопливо опустила на золотое блюдо своё творение, замерла в более пристойной для дочери короля позе и только потом ответила ожидающему за дверью, чтобы тот её мог открыть.

– Ваше Высочество, – женщина лет тридцати пяти скло-

нила голову, опуская глаза. Принцесса ответила ей тем же. — Ваши родители желают видеть Вас на обеде.

Девушка улыбнулась, встретившись со служанкой взглядом. Её голова была занята немного иными мыслями.

— Я принесла Вам одеяние, — вновь опустив глаза, женщина показала, что несёт в руках свёрток, — сегодня в саду... прохладно.

— Спасибо, Альберта. Ступай, я скоро подойду. Переоде- нись здесь.

В последний раз поклонившись, служанка оставила на стуле у входа свёрток и удалилась. Принцесса проводила её задумчивым взглядом. Который час она плетёт гребень? Раз король отправил Альберту, вероятно, время обеда уже давно настало. Пора бы поспешить...

Уголки губ медленно приподнялись. До чего же похожи были дни, что она проживает в этих краях... Благо, ей нравилось проживать эти дни так, как они проходят. Принцесса быстро встала, подошла к ближайшему углу комнаты, у которого висело зеркало в пол, стянула с себя простое платье. Аккуратно сложив его, надела то, что принесла минуту назад Альберта — тёмно-бордовое, из теплой замши, с плечами-фонариками и узкими рукавами под самую кисть, высоким воротником-стойкой и небольшим мягким бантиком под ним. Внимательная служанка положила к платью узкие сапожки и плащ с капюшоном. Утром в саду было прохладно, но кто бы мог подумать, что днём будет ещё холоднее?

Вновь улыбнувшись тому, как по своему обыкновению задумалась над чем-то своим, девушка застегнула сапожки, накинула на плечи плащ, сложила любимое платье и туфли-лодочки и вместе с ними вышла из мастерской. У самой двери её, конечно, уже ждали. Альберта взяла из её рук платье с туфлями и умчалась на верхние этажи. Две служанки подхватили принцессу под локти, помогая переступить через высокий порог, ещё две остались позади, как было положено. Свита принцессы... Хорошо, хоть музыкантов нет.

И снова ей захотелось усмехнуться. Для чего были все эти церемонии? Ну споткнётся принцесса... И что с того? Не убьётся же! Или и это было королевской крови не по статусу? Принцесса, выросшая в стенах великолепного дворца и при свите, начинала со временем задумываться о личном пространстве и желании побыть одной и, пожалуй, хоть немного самостоятельной. Хотя кому-то пожизненная опека и слуги под рукой нравятся.

Королю с королевой никогда не приходилось долго ждать дочь. Принцесса не любила опаздывать, и это очень радовало требовательных родителей.

Девушка шла, идеально выпрямив спину, к обеденной беседе. Над её головой одна из служанок держала кружевной зонтик, вторая несла небольшой сундучок, в котором обычно хранились перчатки. Свита принцессы состояла из шести служанок, но сегодня рядом их было всего пять: Дирра, советница и подруга принцессы, этим днём была за исполнени-

ем королевского поручения. Двери из башни искусства вели прямо по тропе к беседке – девушки шли меж клумб с кустами прекрасных, бордовых роз, что были посажены посреди коротко подстриженного газона. Чуть ближе к деревянным беседкам, искусно разукрашенным и вырезанным из красного дерева, росли высокие, тоненькие деревья черёмухи и вишни, вьюнки обвивали толстые ветви яблонь и ранток, отбрасывали великие тени их миниатюрные листочки и веточки. В знойные и тёплые дни дворцовый сад сам по себе был похож на страну сказочных эльфов, о которых так вдохновлённо писали книги люди – всё цветёт, воздух полон благоуханий, жарко дышала жизнь, летала бабочками и витала ветерком, поднимающим с земли опавшие лепестки цветов. Но сейчас в Гримаднесе, сильном и изящном государстве беннир, царила холодная тень: чем-то была недовольна земля. Облака не пропускали солнечный свет, всё небо было покрыто тучами, гулял меж деревьев и домов ветер, сдувал последнее тепло. Поникли цветы и деревья. Насекомые, птицы, животные – все спрятались. Одни только бенниры верили в то, что грядущее завтра вновь вернёт природе жизнь. Потому, как только этот день был скорбным для всего королевства, и на протяжении шести лет он сопровождался подобной погодой.

– Лиллиин, девочка моя, – король поднялся навстречу дочери. – Как проходит твоё время?

Обратив внимание на погоду и вспомнив о том, что случи-

лось в этот день шесть лет назад, девушка поникла, несмотря на то, какой весёлой была пол минуты назад. Войдя в обеденный домик, она села рядом с матерью на скамью, обшитую мягкой периной, сложила на коленях салфетку и ответила:

– Как может проходить время в столь скорбный день? ...

– Выше нос, дорогая. Однажды прошлое перестанет терзать нас, – королева взяла дочь за руку, погладив пальцами тыльную сторону её ладони. Принцесса подняла взгляд на маму. Королева была красива... у неё были волосы каштанового, почти рыжего цвета, небесно-голубые глаза, что темнели и светлели в зависимости от настроения беннирки, милые щёчки, что передались по наследству дочери и ясный и самоуверенный взгляд. На лице пролегли первые морщинки от печали и горя. Материнская скорбь всегда была самой горькой из всех.

Шесть лет назад был убит наследник престола Гримаднесса. До несчастья, настигшего семью, около года Винд Монбери, сын короля и старший брат Лиллиин, поддерживал близкие отношения с принцессой соседнего королевства беннир. Гримаднесс и Гвельгофринн, соседи и страны вечной весны, жили в гармонии и согласии. Джаннеса Ван-Ниль и Винд любили друг друга, и ничего не предвещало беды. Но внезапно всё рухнуло. По словам летописцев, так невежественно отозвавшихся о ситуации, Винд Монбери воспользовался Джаннесой и бросил её, осыпав род Ван-Ниль угрозами. Принцесса Гвельгофринна, даже со сломанной душой и раз-

битым сердцем, всё ещё его любила. Разгневанная Анерри Ван-Ниль, королева и мать несчастной, убила принца Винда на следующий же день, стоило ему попасться ей на глаза. И вот тогда, ровно шесть лет назад, впервые природа сошла с ума, словно вместе с жизнью принца ушла и жизнь страны. Гримаднесс и Гвельгофринн, королевства одного народа, подвергались разрушению тайфунами и смерчами, штормами и просто непривычными для этих земель холодами. Страна беннир была стороной, где всегда царила тёплая весна, любовь и великое искусство. Бенниры научились видеть прекрасное вокруг себя, тем самым поселив это прекрасное повсюду. И один только день в году мог за раз погубить всю красоту страны. Четырнадцатое апреля. День, когда был убит Винд Монбери. Узнав о смерти собственного сына, король Айрон немедленно собрал армию и пошёл на Гвельгофринн войной. Но гвельгфы были к этому готовы. На границе вражеского королевства Гримаднесс не раз потерпел поражение в битвах. Чтобы сохранить то, что осталось живо, король отступил. В самый последний день сражения беннир, перед началом побоища, Анерри Ван-Ниль прокричала:

– Вы не знаете, кем был ваш сын!

До последнего сохраняя достоинство, Айрон и его армия бились. Бились за честь и доброе имя погибшего наследника. Однако проиграли эту войну. Гвельгофринн не взял за мир от соседа ничего, кроме слова, что имя Винда больше никогда не услышат на их землях. И всё это было странно. Во-

истину, летописец написал об усопшем неправду. Грязную и оскверняющую память о погибшем. Но очередное нападение на убийцу стало бы для Гримаднесса падением.

– Что у нас сегодня на обед? – притворно оживилась Лиллиин. Её разъедали мысли о том, что ещё вечером она не вспомнила и не помолилась за душу родного брата. И правильно ли это – стараться забыть о брате, который так её любил? Которого она так любила...?

Рука привычно сжалась на амулете, что девушка не снимала с тех пор, как получила от Винда в подарок. Порой он казался таким странным... Но всегда оставался родным и памятным. Это был кулон, который умел открываться. Внутри хранилась фотография самого Винни. Ради того, чтобы сделать такой амулет, принцу пришлось нанять слугу, чтобы тот переправился с ним через границу во Внешний, человеческий Мир, и привёз машину, способную напечатать фотографию. А на вопрос о том, какую именно, принцесса ответила, что хочет носить рядом портрет брата. Казалось бы, зачем наследнику надо было ездить за этой машиной? Принц прослыл гением, великим изобретателем уже в 14 лет. Пока Лиллиин, будучи маленькой девчонкой, слушала его рассказы о путешествиях в другой Мир, она задавалась и таким вопросом, но предпочла оставить его себе, как загадку. Может, сейчас спросила бы... Но спрашивать теперь было просто некого.

Калирь, мать Лиллиин, заметила, как вновь посерьёзнело

лицо дочери. Сердце в который раз пронзили тысячи игл – девочка вспоминала о брате. И кто бы знал, как было правильное сейчас поступить: стоит королевской семье тонуть в воспоминаниях, или лучше всё же постараться забыть о давнишней трагедии?

Вопрос принцессы был оставлен без внимания. Родители не могли ответить, витали в своих облаках, а свита хранила молчание, пока слуги ходили за самим обедом. Лиллиин тоже быстро забыла о том, что буквально только что задала вопрос.

Девушка сняла плащ, оставшись в тёплом платье. Возможно, это было неправильно. С каждой минутой на улице будто становилось всё холоднее, сильнее дул ветер, даже начинал моросить дождик. Будь у беннир желание, они бы и здесь увидели нечто прекрасное, хоть и жуткое. Но, учитывая то, в каком настроении они на данный момент пребывали, обстановка и погода казались мерзким несчастьем. А в такие моменты хочется закрыться в одиночестве и переждать, перетерпеть бурю внутри.

– Айрон, – задумчиво позвала Калирь Монбери своего мужа.

Будто выпав из своих раздумий, король чуть заметно потряс тёмной головой, внимая голосу любимой жены. Он был у неё нежным, но властным, тихим, но достаточно громким, туманным и в меру ясным. Лиллиин восхищалась своими родителями и тем, какую державу они смогли построить.

– Слушаю, дорогая, – ответил он наконец. Протерев уставшие карие глаза уголком миниатюрного платочка, Айрон уделил внимание состоянию королевы. Она была женщиной с великой силой духа, но смерть своего первого ребёнка переносила с трудом. Одно лишь упоминание (а этот день каждый год больно вонзал нож под рёбра) о Винде, их милом Винни, усугубляло все раны и болезни, которыми когда-то повелители обзавелись. Не дай волю Жизни лишить королевскую семью второй наследницы!

– Мы сегодня едем куда-нибудь?

Принцесса перевела взгляд на мать. «Мы»? Королева Кальри очень давно не покидала дворцовых стен, ссылаясь на здоровье. Головные боли мучили её, и максимум, что она была готова себе позволить, это прогулки по саду. Площадь королевского двора была огромной. Он был поделён на две равные части: первая, в которую попадают подданные сразу же, как только пересекают мост через ров и ворота в стенах, и вторая, доступная только королевской семье и беннирам, служащим или живущим в замке. В дворцовых стенах можно было жить как в отдельном посёлке. Чего здесь только не было! Королевская конюшня, мастерская Винда, к которой никто больше не притрагивался, голубятня с пятьюдесятью дрессированными птицами, домик швеи и её помощниц, фонтан в центре, небольшой загон скотины и домашней птицы в правом углу двора и глубокое озеро с прозрачной водой и рыбой в левом. На берегах озера построены две мини-

агтурные беседки для отдыха и разговоров, недалеко от них – уютные и довольно большие качели. Выше расположена купальная, рядом – часовня в окружении скамеек и клумб с нежными лилиями. Ближе к углу уже начинается отсек прислуги – там было расположено несколько домиков, два склада и колодец. В передней, общедоступной части двора, было два фонтана, конюшня, смотровая башня и открытая столовая на случай, если гостей будет ожидать обед на свежем воздухе.

– Да. Как только вернётся Дирра, мы поедem в Хифский Собор. Я посчитал нужным договориться со священником и попросил Дирру съездить в город.

Хифа... Самый большой город Гримаднесса. Столица иной быть не может. Он был ближе остальных по пути к замку, на его границах расположены территории основных войск королевства, недалеко от ближайшего – самое большое здание больницы. Оно было построено относительно недавно. В центре находился древнейший Собор. Пару сотен лет назад, когда бенниры жили в одном королевстве, а не в двух, в этом Соборе восхвалялось древнее Божество. К сожалению, его имя и иконы со временем были потеряны. Бенниры отказывались служить человеческим Богам, потому стали придумывать себе собственных покровителей, а позже сошлись во мнении, что свята сама Жизнь. Ещё ни одна молитва Жизни не оставляла беннир без ответа, хотя стоит отметить, что много просить местное население стыдилось. И в

самом дальнем уголке Хифы расположилось поместье Мон-бери, особняк младшего брата короля. Он жил там со своей женой и двумя дочерьми. Король Айрон и его единственная дочь регулярно приезжали к ним, порой даже оставались на несколько дней. Королева зачастую находилась в замке.

– Должен же кто-то присматривать за хозяйством, – отшучивалась тогда Калирь, целуя принцессу перед дорогой.

«Значит, сегодня в Хифу...» – задумалась Лиллиин.

На первое подали аппетитно пахнущий куриный бульон с веточкой укропа, на второе – отварной картофель с поросёнком в медовом соусе. От десерта Айрон и Калирь отказались, в отличие от их дочери. Сегодня подавали любимую сладость принцессы – кекс с жидким шоколадом внутри, к которому прилагался шарик ванильного мороженого с крупной ягодой клубники. Хотелось забыться хоть в желании поскорее запить сладость, хоть в комплиментах повару – главное прервать мысли о Винни... о том прекрасном Винни, что был Лиллиин так дорог. Брат, любящий и семьёй любимый, был сначала убит, а после – оскорблён. Бесчестный конец его великой истории. Был бы он оскорблён прежде... Быть может, мог объясниться? Или отразить атаку Анерри Ван-Ниль и остаться в живых? Даже если нет, тогда он погиб бы славно, принял бы смерть с честью и без удара в спину. Несомненно, это происшествие бесчестит и сам род Ван-Ниль. Вопрос о том, что же произошло в тот день на самом деле, до сих пор волновал умы многих.

– Дорогая, мы уже уходим, – королева застегнула чёрный плащ под горлом и протянула Лиллиин руку, будто беспокоясь, что та не сможет встать сама. Девушка не задумываясь убрала салфетку с колен и взялась за ледяную ладонь матери.

– Ты вся замёрзла, – принцесса сжала её руку своими.

Калирь хотела возразить, но резко прервала себя. Было тяжело каждый раз признавать: стресс давно не давал королеве Гримаднесса покоя.

Дочь, не желая слушать отговорки, обернулась к свите, достала из чемоданчика тёплые перчатки из кожи и надела их на руки матери. Сама уж как-нибудь без них согреется. Мама мёрзнуть не должна.

Дирра вернулась как раз к концу обеда. Айрон дождался её прихода. Ему не терпелось узнать о новостях из Хифского Собора у посыльной.

– Всё будет готово к приезду, Ваше Величество, – Дирра еле заметно поклонилась. – Они ещё вечером ждали Вас. Думали, стоит подготовиться к... этому дню заранее.

Король удовлетворительно кивнул. Рядом с ним стояло около пяти подданных, готовых исполнять приказы. К ним он и обратился:

– Подготовить карету. Мы выезжаем.

* * *

POV Лиллиин

Я не знала, о чём думать. Ступая за отцом и мамой, облачённая в скромное тёмно-серое платье и те же плащ и са-

поги, наблюдала за тем, как лениво моросит дождик. Каменная дорожка во дворе в крапинку, небо скрывает от солнышка землю, тучи давят на душу и голову. Тяжёлая картина. И очень печальная. Два года назад я запечатлела похожую на полотно, но тут же сожгла ту работу. Всё равно однажды слёзы прожгли бы в ней дыры. Не пора ли уже всё отпустить? ...

Меня едва не сбил с ног яростный порыв ветра. Свита подхватила нас под локти. Я посмотрела в небо. Не могла больше сдерживать слёзы и желание хоть мысленно его позвать.

«Не ты ли это, милый братец? ... – кричало сознание. – Вспомнил нас, родню свою?»

И так хотелось услышать: «Я всегда с вами. Никогда не забуду. Никогда не брошу» ... Но я не слышала. Лишь продолжал выть ветер, скрести камни сухими когтями. Моя голова пошла кругом, но опустить взгляд к земле я не смогла.

«Что же случилось в тот день? Не уж-то народ был прав, так тебя оскорбив... Я так устала вспоминать, но не могу, не могу простить!»

И снова нас держат под локти – ветер сбивает беннир с ног, гонит обратно в дома. И нас природа словно гнала обратно во дворец. Клонились к земле деревья, качались, – казалось, вот-вот не выдержат корни и сдадутся столетние великаны. Я ясно видела, как несутся тучи по небу, будто наперегонки.

«Почему ты ничего нам не рассказывал? – слеза скатилась с моей щеки, затерялась среди дождевых капель в полё-

те. – *Почему? ... Почему ты бросил нас? ...»*

– Госпожа, Вам страшно? – служанка подумала, что догадалась о том, какова была причина моих слёз. – Не волнуйтесь. Ещё немного, и мы сядем в карету.

«Будто карета спасёт нас, если появится смерч. Мало верится в это» – подумала я. Служанке ничего говорить не стала. Но и обращаться к Винни дальше – тоже. Винни...

Вытерев рукавом из атласной ткани глаза, я опустила взгляд и дальше смотрела только под ноги. И всё равно, сдувал ли меня ветер, смотрел ли с неба на меня Винд. Не хватало только сорвать поездку – упасть и порвать платье, испачкаться в этой жидкой напасти. Ещё меньше хотелось оказаться по приезде не в Соборе, а близ построенной лечебнице. Желания испытывать её на себе у меня тоже не было.

Мне помогли приподнять полы платья, когда я садилась в кибитку, – так я называла нашу «карету». Не нравилось мне постоянно ездить куда-нибудь. Может, мне и удавалось проводить время в дали от дома лучше, чем думалось сначала, но сам процесс передвижения удовольствия не приносил никакого. Это грязь, пыль на одежде и блестящих сапогах, на коже и открытых участках тела, а потом накатывает сильное желание отдохнуть и отоспаться. Есть после часов, проведённых в карете, хотелось гораздо меньше. Сыта становилась от витающей в воздухе пыли. Иногда я даже завидовала маме, не желавшей куда-либо ехать. Когда королева не желает, она не делает.

Мама с папой сели на одной стороне, я – на другой. Мы бы поместились и на одной, но я всегда садилась напротив того, кто со мной ехал. Так было приятнее держать разговор или, раз уж на то в дороге пошло, играть. Сейчас же я подумала, что не стоит отказывать себе в удовольствии лишний часок поспать. Тем более очень хотелось отвлечься от тяжёлых мыслей. Как только дверцы кибитки были закрыты и шторы на окнах опущены, я сняла с себя сапоги и, подтянув подушку, улеглась на длинное, похожее на скамью сиденье. Мне уже приходилось спать в поездках. Они никогда не длились меньше часа. Уснуть сейчас не составило абсолютно никакого труда.

Я помнила, как проваливалась в мир Морфея. В прошлый раз здесь я зажгла факел, а за ним – стог сена. Потом проснулась в холодном поту, потому что огонь будто начал сжигать меня изнутри. Начал с ног, потом забрался по платью... шёл всё выше и выше. Я не боялась его до тех пор, пока он не добрался до груди и не «вселился» в меня. Меня начало выворачивать изнутри, стала тяжёлой голова, вспотели ладони и как от дыма заслезились глаза. Как сейчас помню... И передёрнуло сейчас точь-в-точь так же, как при первом воспоминании об этом страшном видении. На этот раз я просто шла по тропе. Длинной, извилистой дороге. Я шла до развилки. Идти было так легко... Потом мне подумалось, что определённо стоило ожидать от этой лёгкости подвоха. Я шла и не чувствовала ничего. Даже воз-

духа. Только пыль и немного запах, что остаётся в небе после грозы. Озон... Здесь было так душно, что мне мгновенно захотелось проснуться.

«Должно быть, я не могу дышать из-за того, что вокруг в самом деле пыль...»

Карету чуть тряхнуло, словно в ответ и подтверждение моим мыслям. Мне даже показалось, что на секунду открылись мои глаза. Но я продолжила спать.

Продолжился и путь. Может быть, однажды я буду остро нуждаться в воздухе. Начну задыхаться, упаду на колени, стану от отчаяния бить дорогу кулаком, царапать саму себя, выплёскивать из себя силу, будто от этого станет легче дышать. А может, просто от безысходности. Надеюсь, мне никогда не предстоит это почувствовать.

Карету снова тряхнуло. На этот раз гораздо сильнее. И это будто стало причиной моего падения перед самой развилкой. На щеке точно осталась ссадина, я была в этом уверена! Переполненная злостью, я стала подниматься с земли. Но встать получилось лишь на четвереньки. Голова кружилась, дышать было тяжело. И оказалось, что передо мной стоял беннир. Я смотрела на его ноги. Блестящие, отполированные до блеска ботинки находились совсем не далеко от моего носа.

Я стала злиться ещё сильнее, будто свидетель моего падения был его виновником.

– Ты пойдёшь со мной, – грубо сказал мужчина. Или па-

рень. Его голос был взрослым, но мне показалось, что он не сильно старше меня.

– С чего вдруг? – теперь я без труда поднялась с земли. Быстро и бесшумно, как это делают на поле боя воины. – Кто ты такой, чтобы мне приказывать? – как дуручка, я стояла и ждала, пока он ответит. Но им не было больше произнесено ни слова. Именно здесь, во сне, я стала говорить так фамиллярно и невежливо по отношению к незнакомому бенниру, что в груди загорелось чувство острой тревоги. В глубоких снах мы можем увидеть самих себя совсем с другой стороны... – Кто ты вообще?

Мужчина. Огромный... Мне показалось, он не меньше платяного шкафа. Широкий в плечах, высокий и уверенный в себе, как сам Вершитель Судеб. Его лицо было скрыто. Я видела лишь ухмылку, с которой он смотрел на меня. Спустя секунду незнакомец просто развернулся и свернул налево. Уверенный, словно был самым могущественным... бенниром? Магом?

– Я не пойду за тобой! – я стояла, смотрела ему в спину. Незнакомец остановился. И мне стало страшно.

Лошади заржали. Возница закричал что-то неразборчивое, на улице послышались какие-то ругательства. Я проснулась.

– Уже приехали? – потянулась я, не показывая того, какие эмоции испытывала после этого сна. С трудом удалось вспомнить то, куда мы вообще ехали. Ох, Святая, какая же

здесь духота...

Мама, забеспокоившись, приоткрыла занавеси. В карете было темно, толком ничего не видно. Тусклый дневной свет вклинился в пространство и почти сразу же потерялся во мраке.

– Не похоже...

Грянул гром, кибитку страшно озарило на мгновение белым светом. Кто-то в ужасе закричал, и так же ужасно заржала лошадь. Мне даже показалось, что я слышала, как оступилось и споткнулось животное. Может и не показалось. Сердце пропустило удар, когда на улице вновь закричали. Я не могла разобрать слова, пока рядом с нашим окном не встал мужчина.

– Сидите внутри! Не выходите из повозки! – закричал он бесстрашно и уверенно. Его голос показался мне смутно знакомым. Хотя откуда бы? Все те, кого я близко знаю, относятся к знатым родам. Им здесь, посреди дороги, делать нечего.

Наверное, перед тем, как схватить оружие, хранящееся у сиденья, мне стоило подумать. На какой ещё случай оно могло бы пригодиться? Взвесив в ладони подтупившийся у основания меч, я поднялась с места. Догадались же мы ехать сегодня отдельно от стражи! Отец в руке оружие не держал уже давно, а мама росла в тепличных условиях, не зная подготовки к войне. И вылезти им за мной не позволит долг перед королевством.

– Лиллиин! Сядь немедленно! – отец поднялся с места, но тут же упал обратно: кибитку сильно тряхнуло. А я смогла удержать равновесие и осталась на ногах. Чуть ухмыльнувшись, с уверенностью открыла люк на крыше кареты. Что я, зря семь лет училась военному искусству?

Чуть заметно высунув голову, я тут же чуть её не потеряла. У поверхности кареты описал дугу чей-то меч. Во второй раз у меня уже получилось выползти на крышу и под небесный грохот мягко спрыгнуть на землю. Выходить из кибитки через двери было сложнее, когда оттуда не пускают тебя родители. А сейчас я неожиданно для врагов оказалась рядом с нашим защитником по несчастью. Он был теперь не один. Мы стояли посреди пустой лесной поляны. Пахло мокрой землёй, озоном, срезанной сочной травой. Прохладный ветер тут же заставил поёжиться – платье намокало под мелким дождиком. Судя по тому, как много здесь деревьев у дороги, от города мы были уже не далеко. Даже видны были уже дома... Но мы стояли в окружении из, примерно, дюжины вооруженных до зубов громил. Очень смешно: им собирались противостоять мужчина и принцесса. Один вражеский меч лежал под моими ногами, он-то и придал мне немного больше уверенности. Возможно, парень, что стоял сейчас рядом со мной, как раз ехал в Хифу. Времени на то, чтобы рассмотреть его, у меня не было. Но я была уверена в том, что мне он ничего не сделает. Моя беннирская аура чувствовала больше, чем могла почувствовать человеческая. Юноша только

глянул на меня и со вздохом сказал:

– Не лезли бы Вы, принцесса, куда ни попадя. Зайдите обратно в карету, – он был так спокоен, словно напротив нас стояла не дюжина вооружённых убийц, а несколько злых щенят. К тому же, клянусь, я уже слышала его голос! Так хотелось посмотреть ему в лицо...

– Зайду, когда они освободят дорогу.

Глупо звучало. Мои слова совсем не были похожи на угрозу. Странно я сейчас, наверное, выглядела. Только что проснувшись, лохматая, дрожащая, в сыром от дождя платье в пол и с мечом наперевес. Пока обдумывала сложившуюся ситуацию, я уже больше демонстративно взвесила старое оружие в ладони, после чего размяла запястье изящным взмахом клинка. Королевская карета была за моей спиной. Я подумала о том, что мне следовало бы отойти от неё чуть дальше: ещё один неосторожный взмах, и я её, как минимум, поцарапаю. Чуть слева стали слышны стуки подков о дорогу и басистые мужские голоса. Неужели стража так быстро нагнала нас?

– Забавная пташка, – пробормотал себе под нос громила, больше всех походивший на главаря. Я перевела свой взгляд на него. Мужчина находился на расстоянии пары шагов от меня. В груди закипело неприятное чувство. Я была оскорблена. Мне следовало достойно ответить этому бенниру, но отчего-то я поступила совсем иначе.

Я сделала изящный замах в его сторону, становясь в бое-

вую позицию и как бы предупреждая. В этот же момент разбойники напряглись, один что-то крикнул другому. Я услышала странный щелчок.

Моя уверенность в том, что я смогу отбиться от врага самостоятельно, резко пошатнулась, когда я поняла, что один из громил выпустил в меня стрелу. Я не успела даже сообщить, что надо было сделать. Выставив перед собой меч, я никак не среагировала на атаку. А мужчина, вставший на защиту кареты, не задумываясь закрыл меня собой. Тяжёлый капюшон с его головы тут же слетел. Меня охватило чувство страха. Время словно остановилось. Я увидела, как вошла стрела в руку моему защитнику. Его лицо исказилось от боли, но он не издал ни звука. Лишь тихий, тяжёлый вздох, от которого моё сердце больно кольнула игла. Оно снова пропустило удар. Затем два... Я, скованная тяжёлым оцепенением, только и смогла рассмотреть черты лица героя и вспомнить, когда уже успела с ним встретиться.

Впервые это случилось лет пять назад. *Шёл ливень, злой ветер поднимал плащи и проникал под одежду, солнца впервые не было видно. Королевская, моя семья, уже не в полном составе, скорбела в саду у Собора. Это были самые первые поминки. Винд был убит год назад. После его смерти мы не смогли сразу проводить душу на небо – отец объявил Гвельгофринну войну. Безутешно её проиграв, мы попросили тело принца на родину. По беннирским традициям прах был развеян над святой землёй.*

Первые два года я очень много плакала. Воспоминания о Винни были солью на свежей, ещё открытой ране – мы любили друг друга самой сильной любовью брата и сестры. Столько детских проказов, проделок, маленьких преступлений мы совершили на территории замка... Где-то до сих пор оставался закопанный сундук с папиным дорожным кошельком.

Я тогда нервно хихикнула. Отец хватился пропажи через месяц, а мы уже забыли, где лежит «карта сокровищ». Королевский двор был неописуемо огромным для двух маленьких детей. И мы побывали в каждом его уголке. Когда Винду построили небольшую мастерскую, мы стали проводить там большую часть свободного времени. Он был старше на пять лет. И я, будучи маленькой девчонкой, восхищалась его креативностью и гибкостью ума. Его изобретениями пользовались в некоторых уголках Хифы и близлежащем Ваардине – городе искусств. Хифа и замок были сердцем Гримаднесса, Ваардин – душой. Виндом был создан первый лазерный автомат, продемонстрированный позже на Параде Прогресса в главном городе. Потом это изобретение разбилось в военной академии, активно там изучалось для создания подобных прототипов. Когда принцу было пятнадцать лет, дядюшка с тётушкой дали племяннику прозвище «Джэнд», что дословно переводилось, как «гений». Безусловно, Винни был гением всего существующего... Им это прозвище было сразу же принято и разглашено.

Мы выросли. Мне уже было шестнадцать лет, когда Винни погрузился в свои изобретения с головой, не оставив времени на семью. Большие всех без внимания оставалась мама. Со своей заботой и любовью она стала надоедать юнцу, мнящему себя чересчур взрослым. Я перестала ходить с ним в его мастерскую. Ещё в детстве начала замечать то, как сильно отвлекаю его, пусть брат этого никогда не признавал. А после Винд и вовсе попросил не заходить в его мастерскую. «Это моё личное пространство, – говорил он, будто шутя, – а такие места не терпят присутствия окружающих».

Я снова начала плакать. Мама, казалось, и не переставала. Да и спустя пять лет ей было тяжело не меньше, чем тогда.

Если бы я не начала перед этим заниматься борьбой и не брала уроки боя, вряд ли заметила бы чуть приметное шевеление. Это было движение, не похожее на все те, что выполнялись каждый день в королевском дворе. Оно было не беннирским, а человеческим, не таким, возможно, грациозным и мягким, к каким я привыкла.

«Что на поминках может делать человек? – задалась я тогда вопросом. – Его бы никто не пустил. Конечно, если бы он спросил разрешения...»

Пришлось отвлечься от чтения молитв. Я испугалась, что этот человек мог захотеть осквернить дух моего брата. Я еле заметно перевела взгляд на незваного гостя. Най-

ти неаккуратное движение повторно не составило труда. Это был парень моих лет, а мне тогда было двадцать. Кудрявые волосы, покрытые капюшоном, спадали на будто светящиеся в темноте глаза, острые скулы, подбородок и такой же нос придавали лицу некую харизму в сочетании с его взглядом. Он был одет в чёрные джинсы, серую рубашку с порванным на локте рукавом (спасибо способности моей расы видеть и замечать всё и вся) и тёмную джинсовую жилетку. В тон всеобщему настроению, неприметная в такую погоду одежда для простолюдина. Сломленные горем, из беннир его не видел никто, кроме меня. Естественно, мой взгляд не остался для него незамеченным. Плевать он хотел на то, как возмущённо я на него смотрела. Его, похоже, не пугало то, что я могла задать страже вопрос, мол «Что этот человек делает на святой земле Собора?». Парень только как бы подбадривающе улыбнулся мне краешком губ и опустил глаза, будто вместе со всеми молился за душу погибшего. Мне даже стало интересно, что он там нашёптывал с поддельно скорбным лицом. Но, пока шли минуты этого горького молчания, я не могла нарушить спокойствие стражи или родителей. Им тогда должно было быть не до меня. Я отважилась пообещать себе немного позже найти того человека и задать интересующие меня вопросы ему в лицо.

Я честно пыталась сосредоточиться, но на протяжении всего остального времени, отведённого на молитвы, не мог-

ла перестать беспокоиться. Что он задумал? Как сюда попал? И кто бы сомневался... в конце концов парень просто исчез. Растворился в толпе сразу же, как только я повернулась в его сторону, а после и вовсе как-то вышел за врата Хифского Собора. Охрана на мои вопросы только поморщилась, одним своим видом давая понять, что не сомневается в своей наблюдательности. Большие о присутствии парня на поминках я не сказала никому. Пока я казалась миру слишком молодой, мои слова не воспринимали всерьёз, теряясь за фразами отца и матери.

Вторая наша встреча была мимолётной. Даже почти незаметной. Мы с отцом и Диррой приехали в поместье Монбери – к брату короля. Решив тайком прогуляться (а такая возможность была только в гостях у дядюшки, поскольку поместье его располагалось на окраине города), мы с Диррой направились к главной площади, надев платья простых жительниц. Их одолжила она, моя подруга и советница, у служанок. Купив корзину сочных яблок на ярмарке, мы шли вдоль площади, так непривычно для нас кипящей жизнью. Так же громко болтали, так же останавливались у интересных диковинных прилавков, взглядывались в лица прохожих и не старались быть особо воспитанными и прилежными. Я могла даже «случайно» задеть кого-то узеньким плечиком, а потом посмеяться в простенький платочек, каковыми мы с подругой прятали волосы и лицо. Почему-то я не удивилась, когда столкнулась с одним из жите-

лей. Помню, в голове тут же пронеслась мысль: беннир смог бы предотвратить столкновение с зазевавшейся девушкой.

Корзина с яблоками упала на траву. Я, изобразив простое «Ой!», тут же кинулась собирать плоды, как и тот человек. Дирра побежала за теми, что успели укатиться под ноги проходившему мимо народу. Потом мне показалось, что со своими играми мы перестарались, и извиняться я стала уже дрожащим голосом. Успела пожалеть, что была такой неосмотрительной. Я не сразу заметила то, как парень смотрел на меня. Честно, и не заметила бы того, что он вообще на меня смотрел, если бы не любопытство. Я не удержалась и взглянула на того, кто помогал собирать рассыпавшиеся по моей вине яблоки. Я с удивлением наткнулась на знакомое лицо с острыми чертами и яркими глазами. Они были янтарными. Человек смотрел на меня так, словно мы были знакомы все двадцать лет. Словно он опознал под лохмотьями принцессу, но всё равно не стеснялся смотреть ей в глаза.

Дирра заметила то, как мы переглянулись. Я бы даже сказала, почувствовала ту искру, что между нами пробежала: мы смотрели друг на друга как два хищника, в моём понимании желающие поскорее разбежаться. Только он смотрел на меня, как волк на котёнка – с усмешкой, словно я казалась ему совсем безобидной. «Ну смотри, человек... – так и просилась в голову мысль, – котята царапаются не хуже их взрослых матерей»

Как только яблоки были собраны (а собирались они очень быстро), я вскочила, подхватила корзину и поспешила прочь, не сказав незнакомцу ни слова благодарности или прощания. Дирра, догоняя, попыталась меня подколоть, да так, чтобы и парень это услышал:

– Ромео уже не впервые столкнулся с Джульеттой?

Я издала что-то похожее на смех. Всё игривое настроение тут же улетучилось, словно и не было его вовсе. Мы с Диррой поспешили вернуться в дядюшкино поместье, хотя она уговаривала меня погулять ещё. Было страшно от осознания того, что парень мог за мной следить. Может, это просто паранойя? ...

В третий раз мы встретились в королевском дворе, через полгода. Этот человек был сильнее и проворнее своего народа. Я до сих пор не понимаю, как ему удалось проникнуть за дворцовые стены или, в конце концов, пересечь ров! Это был знойный и душный весенний день. Можно сказать, лето здесь и считалось жаркой весной. Ещё в своей комнате я переоделась в купальный скромный костюм, плечи спрятала от палящего солнца под длинной полупрозрачной накидкой. Хотелось искупаться в прохладном озере. Туда я и направлялась.

Идти пришлось не долго. Я шла прямо, а прямой дорогой до озера идти было быстрее. Дойдя до ближайшей миниатюрной беседки, я привычно оставила на скамье свою цветную шифоновую накидку и подошла к берегу. В тени мно-

жества широких деревьев странной формы озерцо казалось светящимся: оно отражало лучи солнца, пропуская часть к камушкам на своём неоднородном дне. Наслаждаясь каждым мгновением погружения в прохладную воду, я не заметила то, что находилась в саду не одна. Уже тогда, наверное, он наблюдал за мной. Благо, я никогда не купалась в саду без одежды, сейчас стоило стыдиться лишь собственной невнимательности. Вдоволь охладившись, я уже поплыла было обратно... но заметила чуть приметное движение. За деревом. Не решаясь двинуться с места, даже умыться, чтобы развеять возможный морок, я остановилась, чувствуя, как похолодело всё внутри. Господи, как же я надеялась, что мне это всё кажется, что мне просто напекло голову. И так хотелось сейчас иметь при себе меч, несмотря на то, что с ним за эти полтора года я так обращаться и не научилась. Первыми в изучении были бои на кулаках, без оружия.

Я не была уверена ни в чём и даже представить себе не могла, кем мог быть мой нежелательный зритель. Поддавшись панике, я была готова бежать обратно в замок, но поняла, что это только усугубит моё положение. Я думала, если «гость» вооружён или хотя бы просто быстро бежит, он догонит меня, и я просто не успеют спрятаться. Поэтому мне не оставалось ничего, кроме того, чтобы медленно выйти из воды и направиться к беседке, притворяясь, что ничего не заметила. Сдерживать страх стало в разы

труднее, когда я поняла, что моя накидка пропала. Стараясь выглядеть спокойной, я села на скамью перед небольшим столиком. Голова гудела, ноги желали размяться, а тело хотело погреться на жарком солнышке. Но я не могла позволить себе ничего из этого. Я терпеливо и с достоинством стала ждать каких-либо событий. Спина ровная, руки перед собой на колене, тело расслабленно... вот только дышать было трудно. Я знала, что мне точно не показалось чужое присутствие.

Парень не заставил себя долго ждать. Абсолютно бесшумно он вышел из-за дерева, обзор на которое мне прекрасно открывался. Я так и не поняла, как он туда попал.

— Джульетта ждёт своего Ромео? — по-доброму усмехнулся он. Его голос я воспринимала как яд или мёд — оба сравнения подходили до невозможности. Сладкий, горячий, тягучий... Я тут же вспомнила, как Дирра пошутила тогда, на ярмарке.

— Смело Вы называете себя тем, кем не являетесь, — казалось, я знала, что он задаст мне этот вопрос. Слишком четко и красиво прозвучал ответ.

Парень хмыкнул. На этот раз его тёмные, курчавые волосы были собраны в короткий хвост, из которого вылезали непослушные пряди. Нотка неопрятности добавляла изюминку его хулиганскому виду. Я осмотрела его с ног до головы, будто пытаясь найти хоть какое-то оружие. Не нашла. Но поняла, что передо мной стоит любитель капю-

шонов. Это была третья наша встреча с большими промежутками. И каждый раз я замечала на его голове капюшон. В руках человек бессовестно держал мою накидку – тёр пальцами, расправлял. На одежде парня не было меток ни Гримаднесса, ни Гвельгофринна. Это настораживало. Может быть, он в самом деле простой житель... Но неужели каждый человеческий селянин без труда проходит сквозь башенные стены? Если всё ещё не подняли тревогу, парня не заметили и со смотровых вышек.

– Откуда Вы родом? – резко задала я вопрос.

– Анкер. Или Пэтдви. Приятно познакомиться, – представился он вместо того, чтобы ответить. – А Вы, должно быть, принцесса Лиллин?

Его слова были похожи на издёвку. Человек стоял в нескольких шагах от меня. Мы смотрели друг другу в глаза с тех пор, как я, не обнаружив на нём оружия, подняла свои. Кстати, успела заметить интересную деталь: он практически никогда не опускал взгляда. Никуда. Он смотрел в глаза на протяжении всего диалога и молчания.

– Верните платок, – спокойно потребовала я. – Анкер... Вы смущаете меня своим присутствием в стенах моего дома. Как Вы сюда попали?

И снова ухмылка тронула его тонкие губы. Его лицо само по себе было добрым. Необычным... Хотя чего крутить вокруг да около. Я беннир, а он – человек. Мы разные. И он не похож на тех, кто обычно меня окружает, ибо людей в этих

краях почти не бывает. На самом деле, отличались бенниры от людей не сильно, обычно лишь формой лица (наши зачастую чуть более продолговаты), привычками и культурой. Физиологических отличий было не много. Ещё беннирская аура всегда была более чувствительна к другим. И в тот день я чувствовала то, как мы отличаемся, и ссылаюсь я на одно: мы просто разных кровей. Беннир и человек. Даже его улыбка не была похожей на улыбки моего народа.

– Слишком много вопросов, принцесса... – он осторожно распрямил тогда накидку, словно она была из воздуха или могла порваться от неосторожных движений. – Позвольте и мне задать хотя бы один. Могу я коснуться Вас? – тихо спросил он меня, приблизившись на шаг. Я не сводила с него глаз, как и он с меня. Его глаза не горели мужским желанием. Они горели своим обычным, живым огнём. Будто всё, ради чего он пришёл сюда, было именно касание. Могла я позволить ему удовлетворить эту странную просьбу?

– Мой отказ остановит Вас, Анкер? – я тяжело сглотнула. Было страшно сделать рядом с ним лишний вдох, будто он был весь пропитан смертельным ядом. А он всё подходил и подходил, и теперь стоял близко. Не парень – широкий в плечах мужчина, высокий и уверенный. Стройное крепкое телосложение говорило лучшие оружия в руках о том, что он опасен.

Впервые потупил взгляд. Опустил его к земле, чуть дрогнули и так же опустились его сильные руки, держащие мою

накидку. Он смутился? Или удивился от того факта, что я его боюсь?

Словно найдя в себе силы, он сделал последний шаг в мою сторону и осторожно накинул мне на плечи платок. Признаюсь, я готова была закричать от страха. Но сдержалась. Лишь сжалась и вздрогнула, зажмурившись. С волос стекали холодные капли, от лёгкого дуновения ветра становилось зябко. Так и не коснувшись меня, Анкер сразу же отошёл на несколько шагов.

– Не стоит бояться меня, принцесса. Я не причиню Вам вреда, – сказал он. И неспешно скрылся среди деревьев. Больше я его не видела. Признаюсь. Искала. И очень долго надеялась разглядеть его в тени деревьев. Подобные встречи были волнительными, чуждыми для меня и моих привычек. Я боялась, но ждала ещё хоть одну...

Я вернулась к реальности. От случившегося все словно остолбенели. Человек стоял лицом ко мне и спиной к разбойникам, впервые совсем не поднимая глаз. Я не дышала и с ужасом пыталась представить, как ему должно было быть больно. По руке быстро бежала кровь, стекала тёмными каплями на почерневшие от времени камни и на них же расплзалась лужей. Во мне росло желание скорее обхватить его лицо своими ладонями, успокоить, оказать помощь. Женщина во мне побеждала безжалостного глупого воина, которого я так долго в себе тренировала – ради чего? Моё решение встать на защиту кареты было опрометчивым и необдуман-

ным, и мне потом было за него стыдно.

А лицо мужчины не меняло выражения. Он лишь хмурился, опустив к земле голову, но не двигался. Маленькие капли дождя стекали по острым скулам и по подбородку, волосы и вовсе были уже мокрые насквозь. Будь воля напавших убить его, им удалось бы это теперь с лёгкостью. «Не вставай к врагу спиной, – говорил мне наставник. – Поверь на слово, он будет только рад вонзить в неё нож».

И мне надо было собраться. Мы могли быть атакованы в любую секунду... Но громилы, угрожающие нашей безопасности, теперь словно сами боялись подвинуться. С каким-то диким ужасом они смотрели на парня, как будто были с ним знакомы, или, что ещё интереснее, боялись его. Они его ранили. Что будет дальше?

– Садитесь в карету, Ваше Высочество. Не волнуйтесь за меня, – губы человека дрогнули в кривой усмешке.

– Предлагаете бросить союзника в бой? – Я хотела выйти вперёд, прикрывая его, но тот схватил меня за руку, останавливая и двигая к кибитке. Я непонимающе дёрнулась, но это его сильным рукам помехой не стало. Я почувствовала, как ударил мне в голову адреналин.

– Мой совет, – сказал мужчина тихо, почти на ухо, когда я была затолкана и увлечена родителями внутрь. – Прежде чем назвать кого-либо своим союзником, узнайте его получше.

Человек не просто захлопнул дверцу, чтобы я не вылезла. Он поднял не пострадавшей рукой плётку, упавшую из

рук возницы, и хлестнул здоровую пристёгнутую к карете лошадь по крупу. Та протестующе заржала, но с места сдвинулась весьма послушно. Возница развернул животину, и мы с ветром помчались обратно во дворец. А мне стало страшно. За парня, за себя, за родителей... Я не могла найти себе места. Забралась с ногами на сиденье и выглядывала из окна, пытаясь разглядеть человека там, вдали... Только на подъезде к мосту очнулась и посмотрела на родителей. Лучше бы я этого не делала.

Шпион

POV Автор

– Вы поступили правильно, – парень одной рукой откупорил бутыль с крепкой настойкой. Ещё четверо суетились у плеча раненного.

– Иначе не могли, – пробурчал крупный и высокий беннир, вырывая из рук друга настойку.

– Сад, не ворчи...

– Я буду! – мужчина вспылил, вытаскивая бинт из тёмного деревянного шкафа. Резким движением задвинув ящик на место, он повернулся к человеку. – Девчонка могла тебя убить. Если бы не села в карету, у нас не было бы выбора! Мы были бы вынуждены прикончить или её, или тебя, Ан.

– Пэтдви, – поправил кудрявый Сада, дёрнув здоровым плечом. Как можно меньше беннир должны были звать его по имени. Среди Отряда Скрытных должно звучать как можно меньше настоящих имён и фамилий... Только звания и выдуманные или заслуженные прозвища. Да и имя, по мнению парня, должно было быть прибережено для другого.

Все двенадцать громил, наткнувшиеся несколько часов назад на повозку с королевской семьёй, и парень, что прикрыл собой юную принцессу, находились уже на краю Гримднесса и вскоре должны были его покинуть. Нападения как такового на самом деле не было. И громилы-бенниры бы-

ли вовсе не разбойниками. Хуже. Отряд Скрытных – пятьдесят лучших шпионов гвельгфской академии. И сегодня «напали» на карету не лесные преступники, а тринадцать иностранных адептов. Отряд шпионов из Гвельгофринна разделился, одна из подгрупп бесстыже спалилась, и ей пришлось выкручиваться. Никто не знал, что было бы, если бы Анкер не разыграл спектакль с ролью защитника, а остальные не поддерживали его, сыграв разбойников. Теперь адепты надеялись, что этот спектакль спас их, и короли не станут подозревать Гвельгофринн в шпионаже. Никто из друзей-беннир Пэтдви не догадался бы притвориться защитником несчастных, и они гордились собой, что вовремя поняли, что он предлагает сделать. А ранение можно было пережить...

Гвельгфы успели затаиться в домике, находящемся почти на самом краю южного леса. Небольшое убежище было бы до невозможности уютным, если бы в нём не прятался шпионский отряд. К тому же хижина когда-то потерпела пожар, от чего стены были чёрными и непрочными, хотя Отряд уже не раз ремонтировал домик. Полчаса назад семеро беннир продолжили путь на родину. Шпионам было запрещено долгое время находиться на территории недружелюбного к ним государства, но остальные шесть не могли затягивать с лечением раненой руки самого ценного из адептов.

– Девчонка так посмотрела на тебя, – мужчина, бинтующий руку Пэтдви, хотел подколоть его. Но вышло это, как обычно, никудышно.

– Она принцесса, Сад.

– Легче не стало... – пробурчал беннир, которого приняла за главаря Лиллиин. Для шпионов это было непростительной промашкой – случайно раскрыться не просто перед гриммами, а перед их повелителями. – Встречались уже?

– Не то, чтобы...

– Все знают твоё «не то, чтобы», брат, – развалившись в кресле напротив, сказал Сад. – К тому же, раз это не просто девчушка. Принцесса Гримаднесса, – беннир поморщился, показывая всю свою неприязнь по отношению к королевской семье гриммов. – Так и скажи: «Спалился на задании».

– Три раза... – пробормотал парень, пытаясь сдержать улыбку. Боль в плече практически отошла на второй план. Да, все те три раза он просто случайно спалился... а там уже дело просто бросалось, и Пэтдви давал пройти дню так, как ему было суждено пройти. Если уж и было предписано сесть в тюрьму, он бы не смог противостоять. Нет, он, конечно, постарался бы выпутаться из любой ситуации, и у него непременно это получилось бы... но некоторые вещи люди изменить не в силах. Бенниры тоже.

– Три раза?! – выдохнули все почти одновременно. Бенниры перестали заниматься своими делами. Уставились на Пэтдви такими большими глазами, словно вместо него сейчас увидели рыжую бестию.

– И Косолапый до сих пор об этом не знает?

– Не знает, – мотнул головой шпион. Волнистые волосы

щекотали веки и правую щёку, но к ним он уже привык. Это была странная причёска: сзади волосы прикрывали шею, волнистая чёлка нависала над правым глазом и щекой, а левая половина чёлки была заправлена за ухо. – Да бросьте, ребята. Кто-то из вас действительно ходит и докладывает ему обо всех наших промашках?

– Но подумай, речь идёт о делах государственных и... важных. Хотя кто мы такие вообще, чтобы вторгаться на чужую территорию каждое четырнадцатое апреля и вести разведки?

– Вот именно. Даже если узнают, откуда мы, то ничего не докажут. Подумаешь, решил выпускной отряд прогуляться в соседнем королевстве? И ещё, что мне сделают те, кто меня видел? Да и к тому же вы сегодня оплошали похуже меня, я напомним.

После этих слов стало до писка в ушах тихо. Но вскоре Сад раскупорил бутылку со спиртным, все остальные продолжили делать то, что делали до этого. Лучший из гвельфских шпионов признался о ряде значимых ошибок, из-за которых мог вылететь из академии. Декан их факультета, а именно факультета шпионажа, герцог Трафский, был очень строг по отношению к подопечным. Это был старик лет семидесяти, с коротко отстриженной бородой и лысоватой головой. С тяжёлым характером, стальной волей и решимостью, со своими интересами, верой и убеждениями, упрямый и очень серьёзный. Однако, большинству адептов он приходился чуть

ли не вторым отцом, как первый учитель и наставник. Герцог любил выгнать весь свой факультет на поле верстах в трёх от академии, или лесок за тем полем, выпить на «пикнике» и погонять там дичь. Или воспитанников. Тут уже смотря на то, кто под руку попадётся. Отсюда и прозвище. Косолапый герцог Трафский. Да и сам он похож был на медведя – этакий широкий мужик с вечно недовольной физиономией.

Надо было возвращаться в Гвельгофринн. Пэтдви знал, что, когда первая половина отряда вернётся в Джаннес, столицу королевства, названную именем его принцессы, Трафский, узнав о неудаче, будет рвать и метать. О, хорошо, если только это. Он ведь мог для них и наказание придумать. Или отчислить всех к такой-то матери, чтобы на академию подозрений не копилось. Королева, конечно, дала ей своё благословение, мол «делайте что хотите», но и тут было «но»: главное, чтобы Гримаднесс ничего не понял.

«Одно «но» всегда, отнюдь, не одно слово...» – подумал Пэтдви. Протянув руку к другу, он забрал спиртное и сделал глоток. Привычно поморщился. Не задалась дружба с алко-голем.

– Что же ты такое натворил, что тебя на мой самогон тянет? – Сад забрал свою бутылку и плюхнулся обратно в кресло. Дождавшись, пока разойдутся все остальные громилы по делам, он продолжил. – Рассказывай, дружище. Потом переживать будешь меньше.

«Дружище» хмыкнул и дёрнул плечом. Нахмурился.

«Джюльетта ждёт своего Ромео? – спросил он, когда в последний раз с Ней увиделся.

– Смело Вы зовёте себя тем, кем не являетесь, – тогда Её нежный голос был как удар молнии. Она произнесла эти слова резко и уверенно... в прочем, чего ещё он ожидал от юной принцессы? Она королевских кровей, это заложено в Ней с рождения.»

Он улыбнулся. В тот момент парень был готов вслух произнести: «Это мы ещё посмотрим, принцесса. Посмотрим». И кто бы знал, что дёрнуло его на это обещание. Гордость? Мечта? Судьба? ...

В избе было тихо. Только гоготали где-то в другой комнате, собирая свои вещи, товарищи и однокурсники. Избушка, конечно, была небольшая. Её нашли лет шесть – семь назад, в дремучем лесу, когда выпускники впервые совершили «набег» на Гримаднесс. Комнаты пустовали после страшного пожара, забор был разрушен, скотина разбежалась по лесу. За год из развалин сделали уютный домик, не вызывающий никаких вопросов у проезжих, пусть дороги отсюда были далеко. Местным и не очень внушили, что здесь живёт лесничий, месяцами пропадающий в своём лесу.

Пэтдви отодвинул своё кресло, не вставая с него. Окна были занавешены, масляная лампа сгорела, углы комнаты просырели от непрерывного дождя, пахло гнилой соломой. Комнату освещал красиво отделанный камин. Вот уж над чем Отряд Скрытных поработал на славу. Рядом лежала связка

хворостины и бутылъ с розжигом. Раньше это был самогон Сада, но потом один из адептов пролил туда яд, предназначавшийся крысе, что сгрызла все хлебцы в шкафу. Так в избушке появился розжиг, ибо жаба душила выбросить добрую бутылъ.

– Дело в Ней, Сад.

Мужчина поперхнулся. Выпивка потекла по усам. Ошарашенными глазами он смотрел на друга и не понимал, прикалывается тот или издевается. Пэтдви сидел, угрюмо глядя в камин, и то хмурился, то улыбался. Кислый запах выпивки перебивал гниль и запах дождя, негустой дым заставлял глаза слезиться. Пора было уже прочистить трубу. Языки пламени завораживали кудрявого. Влекли к себе мутнеющий взор... Пэтдви снова начал забываться в своих мыслях. Уже клонило в сон. Не удивительно. В комнате было темно, достаточно тепло, уютно. Да и пора бы уже поспать хоть немного за эти несколько дней.

– «В ней»? – поверить словам друга оказалось сложно. – Я думал, ты будешь сильнее и сознательнее, – вникнув во всю серьёзность происходящего протянул Сад. Он не был разочарован в друге. Просто надо было его хоть как-то поддержать, но такого умения у него, к сожалению, не было. Или было, но он забывал им пользоваться. Пэтдви протянул руку, забирая алкоголь. Сделал пару глотков. Поморщился. Сад усмехнулся, оставив бутылку другу. Ему сейчас нужнее. Не любит ведь, а пьёт... – Да подумаешь, девчонка. Таких в этом мире

знаешь, сколько? Немножко сторонней помощи, и...

– Я тебя понял, можешь не продолжать. Только понимаешь... Другие ничего не изменят.

Человек поёжился. Он думал о том, что надо было переодеться в сухую одежду, но одна только мысль об этом навела неприятное настроение: плечо болело, голова тоже, двигать рукой из-за бинтов было неудобно. Но от сквозняка становилось холодно и сыро. В носу и глазах безжалостно щипало от дыма и недосыпа. Темнота с яркими бликами от огня на стенах нагоняли только две мысли. Сейчас бы поспать. Сейчас бы согреться...

– Не принимай первое впечатление за любовь, дружище. Я тебе серьёзно говорю, пройдёт это всё, как осень в южных странах. И возвращаться будет, и уходить, и мерещиться, что вот она, рядом ещё. Девушки... Такие они, коварные. Привлекут внимание, а потом убегают. А нам вспоминать их, страдать, хотеть снова увидеть. Может, этого они и добиваются – мужской слабости... Дай-ка сюда, – мужчина потянулся за своей бутылкой, – а-то все эти сопли мне глаза и горло уже разъедают.

Пэтдви тихо посмеялся, возвращая бутылку бенниру. Может, в самом деле сейчас легче станет...?

В камине треснул сук. На рефлексх человек дёрнул простреленным плечом и тут же поморщился от мерзкой боли.

«Косолапый будет в ярости... Надо бы задобрить его потом как-нибудь. Вот ведь напасть, – почти вслух бормотал

Пэтдви, – снова с пустыми руками... Хорошо, хоть без хвоста. Интересно, а Она вспомнила меня? ...»

Кудрявый помотал головой, чуть удивлённый тем, что приходится отгонять такие приятные мысли. Вот она, напасть. Может быть, друг прав? Всё пройдёт, всё забудется и утрясётся...

«Время покажет. Да, именно время. Оно или сломает, или наточит камень водой...»

– Отдохнуть тебе надо, – Сад поднялся с кресла, подошёл к другу. Он чувствовал себя сильно старше и опытнее, хотя отличием в возрасте был всего год, а в «опыте» – беннирская натура. Пэтдви человек. Он, должно быть, понимает меньше... Хотя было это совсем не так. Все мы горазды думать о себе больше, нежели о других. Как бы ни хотели иного.

– Надо выезжать, – парень поднялся с кресла и направился к двери. Голова неумолимо кружилась то ли от слабости, то ли от пережитого за день. Шпион натянул свою дырявую, старую ветровку. Ткань затрещала, когда Пэтдви, сжав зубы, переборщил с натягиванием рукава на перебинтованное плечо. – Отдыхать лучше не в чужом лесу, а на собственной койке. Поехали! – парень постучал в стену, за которой сидела половина отряда.

Один из товарищей Сада глянул в окно. Уже садилось солнце, темнело в лесу. Деревья собирали под собой букеты теней, будто жиже становился воздух. И пахло там, на улице, уже не теплым дождём, а холодом, прелой листвой, грибами,

болезнью...

– Куда ты рвёшься, человек? – адепт подошёл к нему и по-дружески похлопал по предплечью. Пэтдви мог бы поравняться с ними всеми ростом, будь в его крови хоть капля беннирской... но, отнюдь, он и рождён был не в этом Море, пусть вырос здесь. – Верно Сад говорит. Тебе нужен покой.

Продолжать шпион не стал – недовольное выражение лица Пэтдви отбило всякий интерес спорить. Всё равно будет так, как скажет он. Привык придерживаться принятого им самим решения.

Уже через десять минут отряд покинул избушку и, сливаясь с соснами и дубами, в потёмках прокладывал себе путь к границам Гримаднесса. Там их уже давно должны были ждать. Несколько часов – и шесть шпионов добрались до границы. Сгушались сумерки, опустилась на землю темная ночь. Стала бесшумной река Исслайн, соединяющая грани соседних королевств. Бесшумной, но не менее живой – за ночь мужчины уже переправились по ней в Гвельгофринн. На рассвете не церемонясь ввалились в давно знакомую им академию, упали на койки в башне факультета и проспали до обеда. Благо, день был нерабочим, и поднимать ни свет ни заря их никто не стал.

* * *

Сотни... Миллионы... Тысячи... Звёзды не оставили на небе ни одного тёмного пятна. Всё было залеплено, застелено и красиво, будто мозаика, собрано в картину. И если это

сравнение считалось удачным, стоило бы добавить, что над сей мозаикой словно не покладая рук трудились миллиарды профессионалов своего дела. И пока лежишь вот так, на спине, кажется, что небо тянет вверх. Что под спиной уже нет тяжёлой, притягивающей ослабевшее тело к себе, земли. А ты как будто паришь над бездонной чёрной пропастью.

Анкер лежал и не мог закрыть глаза. Готов был даже поклясться – он действительно летит, а не лежит, прижавшись к холодному грунту. И звёзды приближаются и приближаются... Даже двигаются, перемещаются, ни на минуту не останавливаясь на месте. Во сне возможно всё. Было бы это реальностью, парню стало бы уже холодно. Но никак не скучно.

Так можно было лежать вечно. А вечно, если подумать, это очень долго. Добавить бы: невыносимо долго. Шпион лежал и думал о том, что могло прийти во сне в голову, а именно – о всякой ерунде. А ещё о прекрасном. И о Ней. Стоило лишь вспомнить о том, что произошло совсем недавно, как мысли тут же менялись, и думалось сразу о другом. К примеру, о том, как принцесса Гримаднесса была готова защитить раненого парня, которого прежде видела всего три раза в своей жизни. Глупышка... хотела выстоять против двенадцати громил. Она могла погибнуть, наверняка и сама это осознавала! Но нет же... встала на защиту. Или это казалось для неё простым долгом перед подданными? А

остальные точно были уверены: девушка просто глупо выступила...

– Ерунда это всё, – говорил Пэтдви будто самому себе, убеждая и оправдывая принцессу. Его голос звучал глухо, словно терялся в пространстве, но уверенно. – Знаю, что ерунда...

– Ты видел? – кто-то, лежащий рядом, нежным и милым, незнакомым голосом говорил эти слова и восхищался, покаявая тоненьким пальцем в небеса. Девушка.

– Что? – тому Анкеру, что находился сейчас в мире снов, было всё равно, что за леди лежала рядом с ним. Тот Анкер точно знал, что она с ним заодно. И в помыслах, и в трудностях, и в жизни. И что именно ей суждено называть его не прозвищем «Пэтдви», а именем. «Анкер» ...

– Там звёздочка упала... – девушка опустила руку и взяла шпiona за тёплую ладонь, прижимаясь к нему чуть сильнее.

– Так загадай желание, милая, – добрая и нежная улыбка растянулась на лице парня. Он повернулся к девушке и без удивления обнаружил для себя, что рядом с ним, на траве, лежит Она. Чёрные, длинные волосы были распущены, разбросаны в разные стороны. Она смотрела с детским обожанием в небеса и действительно загадывала желание. На длинной и тонкой шее висел чуть приметный кулончик круглой формы, а руку, которой держалась за Анкера девушка, украшал золотой браслет. Изумрудные камушки аккуратно висели на тонкой, прочной леске, ещё один

такой же камень виднелся в центре браслета.

«С тех пор и не снимает...» – подумалось шпиону.

** * **

– ...так долго спать! – кто-то отчаянно пытался растолкать Пэтдви. В ответ этому смельчаку прилетело с разворота, хотя было это неосознанно, спросонья. – Вставай, я тебе говорю!

– Какого чёрта? ... – Анкер покосился на свою руку, только что заехавшей товарищу по голове. Его словно вытолкнуло из прекрасного сна, в котором он был только рад остаться ещё хоть на пару минут. – Сад, какого чёрта? – уже громче простонал он.

– Я, конечно, знал, что ты не любишь, когда тебя в выходной будит кто-то, – он потёр щёку, – но чтобы настолько... Ты, пока дрых, разговаривал с кем-то. Мне показалось, что ты коньки от боли откинул.

Пэтдви покосился на друга с непониманием. «Коньки»? «От боли»? Какой ещё боли?

Но стоило ему потянуться в пробуждении, как плечо действительно пронзили не самые приятные ощущения. Будто по новой вошла стрела, предназначавшаяся не ему. Нахлынули воспоминания вчерашнего дня, все его события. И, конечно, вновь перед глазами предстала милая принцесса, что так бесстрашно ринулась ему помогать. Анкер узнал её сразу, стоило ей спуститься с крыши кареты. Одна лишь ночь прошла как в забвении. Почти никаких подробностей переправы через границу Анкер не помнил, настолько смори-

ла его усталость. Однокурсники были правы. Следовало дожидаться утренней зари, отдохнуть и только тогда продолжать путь. Но, тем не менее, просыпаться в тёплой постели куда приятнее, чем на холодном полу в чужой хижине.

Сад молча наблюдал за тем, как друг вспоминает о недавних событиях. Как меняется в лице чуть ли не каждые пять секунд. И как собирает волосы в низкий хвост и начинает потирать виски пальцами, желая прогнать боль оттуда.

«Вот уж кому больше, наверное, наливать не стану», – подумал Сад с усмешкой. Анкер поднял на него недобрый взгляд, так с кровати и не встав.

Естественно, он подумал чуть позже о том, что ему этой ночью приснилось. Высокое, далёкое небо. Созвездия, свобода, просторы. Принцесса... Да, это Она снилась ему. Брала за руку, прижималась, указывала на упавшую звезду. Горькие мечты... Какое дело будет наследнице гриммского престола до адепта гвельфской академии? Правильно. Дело государственной важности... Но сон настойчиво лез в голову и сбивал с какой-либо мысли. «Так загадай желание, милая...», – сказал он Ей. Позволила бы она ему в действительности так говорить с собой?

И так захотелось придушить к такой-то матери этого дружка... Такой сон испоганил! Не в первый раз уже, а в очередной. Пэтдви, наверное, многое бы отдал ради позволения пообщаться с этой девушкой. Чем же Она так зацепила? ...

В комнате Пэтдви мебели было не много. Койка, тумбочка

рядом, напольная полка для всякой мелочи, напротив стоял небольшой стол, на котором было разбросано его барахло, шкафчик на столешнице с бумагой, тетрадами для творчества, банкой с карандашами и ручками, один большой шкаф, вмещающий в себе всю его одежду, обувь, одеяния на разную погоду. Были в нём даже зимние плащи, хотя в беннирских землях холодов отродясь не было. Стены были светло-кремового цвета, потолок белым, пол – деревянным.

– Устал после вчерашнего? – Друг не знал о том, как долго Анкер не спал. Учёба, тренировки, недостижимая цель брали верх над усталостью.

Сад, убедившись, что с другом всё хорошо, поднялся и хотел уже уйти, но ответ заставил остановиться.

– Найду уж силы когда-нибудь пристрелить тебя.

Глаза неумолимо слипались и слезились, волосы, наспех собранные в небрежный хвост, уже начали из него вылезать и мешаться. Тело ныло, рука болела, голова тоже... В прочем, жить можно.

– Неужели я снова ворвался в твой сон и уничтожил всю идиллию? – смех Сада заставил Анкера поморщиться от новой боли в голове. Кудрявый регулярно делился с бенниром своими снами, и каждый раз они менялись, раскрашивались, делились какой-то надеждой.

– Уху. Прогнал Её из моих мечтаний...

Смех тут же прекратился, улыбка сползла с лица. Товарищ насторожился. Это было уже, конечно, не первое упо-

минание девушки, но из уст вечно занятого шпиона эти слова звучали более чем внезапно.

– Братишка, – начал беннир прискорбно, – а ты знаешь, что яркие сны – признак развивающейся шизофрении?

– Хочешь, чтобы я поблагодарил тебя за избавление от прекрасного морока? – Пэтдви с раздражением откинул одеяло и поднялся с койки. Осторожно потянулся, разминая уставшие перенапряжённые вчера мышцы. Тело болело, хотело больше отдыха. Но хорошего понемногу.

И всё же, что такого в Ней? Почему её упоминание звучало в голове парня непременно с большой буквы? Почему? Зачем? На долго? Одни вопросы. Анкеру так и хотелось сказать самому себе: «Соберись, дружище. Она не первая, не последняя девушка в мире. Ещё и недоступная, скрытная, скрытая... К чему тебе такая? Ведь будет сложно и больно. Страдания души будут тяжелее, нежели страдания плоти...»

А может, судьбе так угодно? А может быть, именно Она будет его судьбой? А может...

Дурацкая улыбка. Пэтдви хотелось избавиться от неё, пока Сад не решил, что понадобится реабилитация или психиатр. Создавалось такое впечатление, будто нынешнему Саду, не заиклившись, как когда-то, на прошлом, стали чужды такие чувства. Будоражащие воображение, фантазию, мечты... пробуждающие от длительного сна душу. Когда-то всё было наоборот.

Мужчин этим утром ждали не самые приятные новости.

Вернувшаяся из похода первая половина отряда, как все и предполагали, проболталась куратору о неудаче. Трафский вынудил воспитанников рассказать обо всех событиях прошедшей миссии и был зол. К тому же, более старшие из шпионов, вернувшиеся в академию через главный вход и центр королевства, добыли адептам тему для бурных обсуждений. Этой ночью стало известно о первых подготовках к военному походу на соседнее королевство. В скором времени будет объявлена старая война. Та, что гнилой болезнью пожирала два беннирских государства, наводила смуту и беспокойство. Немногочисленные люди, что проживали на этих территориях, замечали: мирные и спокойные, готовые сохранять мир между собой ради общих ценностей бенниры могли начать вести себя агрессивно и дико, словно не они это были вовсе. Стоит отметить: сами бенниры таких перемен в себе не замечали. И вот, теперь адепты призываются в армию. Не сейчас – чуть позже. Об этом сообщил заскочивший по пути на завтрак однокурсник Пэтдви и Сада, после чего тут же удрал, оставив друзей думать об этом в одиночестве.

Мужчины верить ему не хотели. После того, как общими усилиями плечо раненного было обработано и перебинтовано, беннир потрепал друга по волосам и молча удалился из его комнаты. То, что надо. Последнее, чего сейчас хотел Анкер, так это оправдываться и говорить. Гораздо приятнее посидеть, спокойно обдумать всё случившееся и собиравшееся случиться, позавтракать, или, в конце концов, почитать

какую-нибудь книгу. Их в открытом доступе было много, да и в выборе не прогадаешь. Порой тысячи страниц в старом переплёте могут заменить душе целый мир.

Шпион чуть заметно хмыкнул. Да, книги он любил. И стихи писать – тоже. Ещё бы... Будешь расти среди беннир, так научишься слагать целые оды цветам и ветерку. Последняя книга, которую читал Пэтдви, была названа в честь планеты, уроженцами которой были практически все её жители.

Миршваддар – один из нескольких тысяч Миров. Он входит в число самых маленьких, почти неприметных даже на карте звёзд. У каждой звезды своё измерение, свой ход времени, своя вселенная и свой народ. Большинство крупных Миров или планет вместило в себя по несколько подмирений (свои небольшие стороны, разделённые плотными или тонкими пространственными стенками). Миршваддар очень мал, если сравнивать его с остальными, однако поместил в себе целых две стороны, названные в свою очередь Внешним миром и Защитным. В Защитном было пять государств, во Внешнем – около сотни.

Особых отличий в сторонах нет. Их разделяет разве что желание не знать друг друга. Взаимная неприязнь. Сами основатели ещё в начале истории начали воздвигать вокруг себя стены, ограждать от тех, кто прибывал на маленький Миршваддар. Помешанная кровь нескольких из них родила на свет несколько рас. Бенниры, оборотни, маги и люди. В магах обычно всегда больше сочетаний и крупнее, разнообразнее.

разнее родословная. Люди же считались животными, желающими превратить факт существования других рас в сказки грязных шарлатанок. Основываясь на этой планете, у некоторых даже получилось внушить детям, что оборотней и прочей нечисти не существует, что есть лишь люди и нет более мест, где можно было бы выжить или найти крышу над головой. И люди эти населяли Внешний Мир.

Бенниры породились от смешения нескольких кровей. Единственное – ни один оборотень в ней не был замешан. Бенниры – раса, представители которой считали себя существами чистыми и высокодуховными, сильными телом и духом. Они отдавали жизни ради искусства, каким бы оно ни было. Бенниры... Страна вечной весны, любви и Жизни. Земли, где привыкли видеть лишь прекрасное, восхвалять не Богов, а Жизнь. Там, где воин – не убийца, а тот, кто владеет опасным, прекрасным искусством боя и силы.

Родители Анкера были людьми, с детства жившими в Защитном Море. Встретились здесь, брак заключили здесь... Но потом что-то потянуло молодых во Внешний мир. Открыть новые просторы с ними поехало ещё несколько человек. Так вышло, что Пэтдви родился там, а вырос здесь.

Кудрявому пришлось отбросить все свои мысли. За стеной слышались тяжёлые шаги, от звука которых внутри всё похолодело. Спустя несколько долгих мгновений дверь отворилась, и за порог комнаты ступил декан. Стоило его здесь ожидать. Наверное, это было глупо – думать, что Косо-

лапый оставит прибывших без осмотра. Но разыграть удивление, пожалуй, всё равно стоило.

– Герцог Трафский? – Анкер обернулся к гостю, тотчас свернув интерактивное окно с книгами.

– Пэтдви, – голос декана не предвещал ничего хорошего, но и плохого пока не сулил. – Выспался?

Шпион подумал, а потом неуверенно кивнул. С каких это пор такие церемонии? «Ноги в руки и вперёд!», говорил им герцог, когда кто-то начинал возмущаться или, хотя бы, зевать.

– Одевайся. Пройдёмся по лесу.

«Любитель охоты в лес просто так не ходит», – подумалось парню. Пригладив кудрявые волосы и собрав их в уже более крепкий, маленький хвост, он спешно накинул на тело старую рубаху, подогнул, чтобы было удобнее. Стараясь ни о чём не думать, чтобы не забыть нужные вещи, Анкер засунул плотные перчатки под ремень и, захватив с собой охотничий нож и повесив его на пояс, вышел к декану. Тот уже отдавал какие-то распоряжения своему приближённому, оживлённо размахивая руками. Параллельно говорил с одним из преподавателей.

– Эти шакалы ничего в войнах и сражениях не понимают! Если наши попадутся, война...

Анкер подошёл почти незаметно, однако старший шпион не был бы шпионом, если бы всю жизнь свою не был на стороже. Тут же отстранившись от собеседников, он обратился

к парню.

– Поедем на моей коряге, – Трафский пригладил колючие усы. Чуть хлопнув по фляге на поясе, определил, сколько примерно там осталось и на сколько хватит.

– В честь чего такая... неожиданная поездка? – парень уже не пытался быть незамеченным, даже сделал вид, что и не пытался вовсе потренировать умения на кураторе. Адепт обратился к учителю прямо. Ехать один на один с наставником желания у выпускника не было, ибо стоило ждать чего-нибудь... серьёзного. Разговор, охота, выпытывание подробностей о прошедшем дне. Ожидать стоило всякого, а вспоминать и тем более рассказывать об этом очень не хотелось.

– У тебя выходной. У меня выходной. А лес нами не хоженный. Безобразие! Не отставай, Пэтдви.

На «коряге» герцога он уже ездил однажды, когда был тяжело ранен и должен был добраться до госпиталя в центре Джаннеса. Доехали без приключений и даже вовремя – экипаж декана быстр и изворотлив. И нынешняя поездка не должна была затянуться надолго. Часов пять максимум – по просёлочным дорогам, по мосту у реки Линны и через небольшой участок поля.

Погода сегодня была солнечная, почти безветренная. Страна вечной весны цвела и улыбалась, радовалась жизни и не забывала благодарить судьбу за такой прекрасный дар. Умение ценить жизнь и каждый момент – то, без чего время

летит быстрее, а чувства меркнут с каждым днём. Прошедший день, как казалось молодому шпиону, пролетел так же быстро, как проносился меж людьми тогда ветер. Проезжий человек точно был бы в диком шоке от такой мгновенной смены погоды. Лишь жители знали, что это был за день. 14 апреля...

Пэтдви шёл за герцогом. Косолапый и во Внешнем мире Косолапым останется – у него было говорящее прозвище, описывающее походку самого герцога. Сам он был довольно низок, ходил быстро, голос и нрав близился к старческому. Декан Трафский был человеком. Его век, как и век Анкера, короток. Бенниры живут дольше людей. Однако, меньше, чем оборотни или, к примеру, маги.

Пэтдви шёл за деканом и наблюдал за ним, как за незнакомым человеком. Ему было это так интересно – смотреть, анализировать, угадывать факты. Характер у Трафского был просто взрывной. Не грех сравнить с бомбой. К примеру, когда всё спокойно, спокоен и он. Косолапый умудрялся ехидничать, поднимать дух и даже веселить ребят. Но если вдруг нащупать на бомбе что-то, что заставляет её взрываться, она непременно разнесёт минимум пятьдесят ближайших метров. От декана всегда несло чем-нибудь спиртным или мятным – он любил выпить. Однако, на охоте не место алкоголю. Косолапый приучился пожёвывать листочки мелиссы или мяты, когда хотелось глотнуть чего-нибудь крепкого в самый неподходящий момент. Низкая и уже слегка лысова-

тая макушка Трафского напоминала парню о нянюшке, что растила его всё детство, с тех пор, как он лишился родителей. Как человек, нянюшка считалась уже почти пожилой. Как женщина и душа – лишь в расцвете сил.

Шпионы вышли из академии во двор, свернули с основной тропы, ведущей к огромным воротам. Они направлялись в другую сторону. Любая организация шпионов имеет свои секреты. Один из таких был больше для удобств, чем для скрытности. Дорога, которой не было ни на одной карте. Широкая, хорошая, не вызывающая подозрений. И при этом о ней не знал никто, кроме адептов и их преподавателей.

Декан и подопечный сели в потрёпанную временем карету, которую тащила быстрая пара коней. Коряга была похожа на корягу особенно внутри: тёмные округлые стены, скамьи обшиты бордовой периной, старые механизмы и соединения покосились, хоть и держались крепко. Внутри витали запахи крепкого алкоголя, пыли и просто человеческого духа. Стоило людям уместиться в неё, как дверь кибитки захлопнулась и герцог, как ни в чём не бывало, завёл мирную беседу.

– Они серьёзно хотели подписать бумагу о войне. Кхе! Да что они в этом понимают... кстати, завезли, наконец, новое вино. Говорят, сами мохнатые рецепт писали, – он хлопнул в очередной раз ладонью по фляге. Под «мохматыми» декан подразумевал оборотней. Одни из экспертов в винной продукции, однако не уделяющие своим талантам этого рода внимание. – А слышал, как недавно в людской стороне завод

взорвался? Говорят, бочку с порохом подпалили случайно.

Анкер был насторожен. В академии он учится уже четырнадцатый год, а привыкнуть к добродушному Трафскому так и не получилось. Его редко видели в хорошем расположении духа. Ещё настораживало начало разговора. «Война? Так это правда?»

Лошади двинулись, кибитка затряслась, подпрыгивая на особо крупных камнях. Анкер расслабил шею, опускаясь головой на обшитую тканью высокую спинку скамьи.

– Слышал, – кивнул парень, подумав. – На несчастный случай не похоже, завод-то крупный был. Да и целую бочку с порохом случайно подпалить... Неужто всё сгорело?

– Попытка засчитана, – хмыкнул Трафский. Пэтдви чувствовал, как наставник сосредоточил взгляд на нём. – Однако привычка так открыто подозревать всё и вся может и на тебя самого навести подозрения. И недоверие твоё не приведёт ни к чему хорошему, если собираешься по-настоящему влиться в общество.

– Мне не надо, – почти перебил он декана.

И снова на сморщенном лице декана ухмылка. Анкер пытался не реагировать, но любопытство взяло своё. Как только снова поднял голову на Трафского, тот продолжил:

– Мы люди, Пэтдви. Только нам это и надо. Бенниры не знают братства с другими расами – «благородной крови» этого ни к чему. И...

– И, если хочешь выжить, не оставайся один, – договорил

за декана кудрявый. – Знаю.

– Знаешь. Но, должно быть, не осознаёшь. Я ведь вырастил тебя... Должно быть, давно впитал каждую мою фразу. То, что у тебя есть друг среди беннир, не значит, что тебя приняли. Даже спустя столько лет. Они будут пинать тебя и гнать, если не покажешь всем, что ты «свой».

Негромко кашлянув, Трафский отвёл взгляд, обратил своё внимание уже на другую вещь. Пэтдви старательно думал над словами герцога. Декан был прав, и эта правда словно давала человеку каждый раз кулаком под дых. Внутри всё словно сжималось, напрягалось от того, что Пэтдви просто не хотел с этой правдой мириться. Но стоило задуматься о хорошем, как Анкера вновь сморил сон.

* * *

– Пру-у!

Карета подпрыгнула на последнем камне, будто ударилась о повалившееся дерево – во время сна или в дрёме толком не понять. Когда в последний раз трянуло, Анкер с трудом открыл глаза.

Яркий луч садившегося солнца будто раздвигал занавеси на окнах, через маленькую щель пробиваясь внутрь. Карета окончательно остановилась, и солнце больше не слепило то правый, то левый глаз. Словно застыло на переносице, что тоже особого удовольствия не принесло. Тело ломило, мышцы всё так же болели. Ещё и нож, повешенный на пояс, больно впивался в бок...

Анкер приподнялся, сел удобнее. Покривился: как можно было проспать несколько часов в такой искривлённой позе?

– Признайся, Пэтдви, – декан не торопился выходить из кареты. Спокойно смотрел, как недовольно потирает глаза парень, – сколько ночей ты провёл без сна?

Подопечный усмехнулся. Неужели это действительно так видно? То, что некоторое время он действительно не спал? Оставить декана без ответа означало проявить неуважение к нему. Потому ответить надо было обязательно. А так не хотелось...

– Две, герцог, – Пэтдви опустил глаза. Сознаться не хотелось, что таких дней было немного больше. Желание поспать в те моменты если и накатывали, то через полчаса – час уже как ни бывало. Поэтому спал последнюю неделю кудрявый или плохо, или очень мало.

– Надеюсь, нет необходимости рассказывать тебе о том, как важно давать себе отдыхать? – Трафский достал из кармана листик мяты и положил себе в рот. Не дождавшись от шпиона подтверждения, подхватил ружьё и ступил на землю. – Я вижу, как упорно ты трудишься. Уважаю, но спать всё равно надо. Выходи, развеемся.

Анкер незамедлительно вышел за ним. Пересел на край мягкой скамьи и по очереди свесил ноги в тяжёлых сапогах. Уставшее тело замечало все неудобства и ныло при любой возможности. Закатное солнышко словно специально ослепило только что проснувшегося, он ступил на землю даже не

посмотрев, что под ногами. И тут же чуть не поскользнулся, не уселся в грязную лужу. Повезло, что спасла реакция.

— Значит, больше двух.

Мысленно обругав себя, Пэтдви захлопнул дверь кареты и вышел на сухую землю. Недовольно протёр ботинки о высокую траву, нащупывая на поясе нож. Надо быть начеку – дикие звери здесь тоже живут. И надо же было вот так проколоться... Косолапый легко заметит обман. Это Анкер, адепт и член Отряда Скрытных, знал прекрасно. Но попытки не оставлял никогда, ибо бывают такие вещи, о которых говорить нельзя. Или просто не желательно.

Солнце только начинало садиться. Сквозь высокие сосновые верхушки пробивались яркие, тёплые лучи, свежий ветерок щекотал, приводя выбившиеся из хвоста волосы в движение, хотя не был ещё даже прохладным. И так приятно и легко было дышать воздухом здесь, вне цивилизации и общества. Ночь обещалась быть приятной, без особой смены температур.

В Защитном Мире время идёт иначе. Кажется, словно часов в дне куда больше, недели тянутся дольше, небо светлее днём и гораздо темнее ночью. Всегда есть наука, которой избегает цивилизация. Всегда есть что-то, чего не хочет касаться рука общества. В Миршваддаре больше технологий. Больше развития. И изучено здесь практически всё. Кроме времени.

Декан настроил охотничье ружьё, прицелился. На пару се-

кунд челюсти сжались плотно, перестали жевать мяту. Сапог жёстко упёрся в твёрдую землю. Ещё секунда, и герцог выстрелит. Ещё секунда, и птицы сорвутся, взлетят с деревьев в страхе быть сбитыми быстрой пулей. Лес знал охотника. Чувствовал, сторонился. Оттого каждый раз, когда студенты приезжали сюда с деканом, наблюдать за лесом становилось тревожнее. Бенниры замечали каждую мелочь в природе, её изменениях. Пэтдви даже казалось, будто они говорят с ней, а она им отвечает. Природа живёт в них, шепчет им что-то своё, рассказывает, где сейчас завернёт прекрасный вираж дикая птица, где будет маленький оленёнок, потерявший мать... Анкер видел то, как восхищаются бенниры жизнью и своими умениями чувствовать. И зачастую думал... Неужели на это способны только они? Люди не хуже. Просто их жизнь не так долга. Просто им всегда доставалось. И от других рас, и от своих же... Просто им сложнее. Просто...

А может быть это просто оправдания? Было бы желание – каждый смог бы увидеть прекрасное там, где его отродясь не замечали. Всё зависит от личности и её внутреннего мира. И её желаний.

Пэтдви с наслаждением вдохнул лесной воздух. По-летнему тёплый вечерний ветерок приносил с собой запахи ромашек и зверобоя, зверья, сухих листьев... а ещё приятно пахло растопившейся на солнце смолой. Это был хвойный лес.

Парень знал, что недалеко от этой опушки должно быть небольшое озеро, и только из-за этого мог почувствовать

чуть заметную сырость. Здесь даже не тянуло тиной или рыбой. Озеро было настолько чистым и прозрачным, что казалось обычным зеркалом странной формы. Именно в сторону этого водоёма герцог и направлялся, а Пэтдви — за ним. Тоненькая светлая тропинка была извилистой, она огибала высокие, тонкие сосенки и была обрамлена густой травой. Пыльные камни, сухие ветки и опавшие листья казались ещё живыми, пока на них падал свет солнца.

Вокруг царила предсумеречная тишина. То милое время, когда начинают стрёкот кузнечики, перестают щебетать птицы, звери в последний раз обходят лес и прячутся в свои норы и домики. Только всё слышнее пищали комарики и другие насекомые, обитающие у озера. И всё резче казались тяжёлые шаги Косолапого, который умел ходить очень тихо.

Человек шёл за своим куратором, сжимая в руке охотничий нож. И с каждым шагом, вглядываясь в дикую красоту, он всё больше казался варваром для самого себя. Свежий воздух выбивал из тяжёлой головы все дурные мысли; тело набиралось сил из Матери Земли; разум становился всё чище и свежее, а парень шёл с ножом, весь напряжённый и в ожидании нападения. Такова она, природа. Обманчива, хитра... И так иногда, кажется, безобидна.

В кустах зашебуршало, треснула какая-то тоненькая веточка. Пэтдви, словно соскочив с пружины, быстро встал в позицию охотника. Хотя разум твердил: опасности нет.

Её действительно не было. Из кустов выглянул маленький

клювик, а за ним и круглые глазки. А потом крылышко и хвостик.

– Пэтдви, пошли! – Трафский окликнул ученика уже сидя на валуне у берега озера. Оглянулся на парня, ухмыльнулся и прокомментировал его находку. – Это кроличий сыч.

– Странно это, герцог. Почему он здесь?

– В плане?

Кудрявый опустил нож, даже расслабился. Но одна мысль не давала покоя.

– Они обитают в пустынных местах. Или там, где мало растительности. Но это лес.

– Значит, не сыч, а просто совёнок. Потерялся, или... Не нашёл ещё себе места в жизни.

За кустами тихо чирикнуло. Совёнок будто очнулся, обернулся и спрятался в кусте. Человек решил приберечь тему для размышлений на потом и поспешил к воде.

POV Пэтдви

Плечо всё ещё ныло. Честно, я был уверен, что этим днём оно болеть будет куда сильнее вчерашнего, но что-то словно помешало ему разболеться. Кажется, Сад успел чем-то обработать рану. Или просто весь мир строится на самовнушении...

Я не удержался от того, чтобы хмыкнуть. Уголки губ снова тянулись к неуправляемой улыбке. Ноги несли меня к озеру, а я вспоминал нашу предпоследнюю встречу. Дурак... Без сомнений, моё появление в королевском саду здорово уди-

вило принцессу... Но ведь и напугало не на шутку. В тот день я, кажется, вообще не понимал, что делаю. Пробрался за стены, прогуливался по саду, пока не увидел, что принцесса направляется к озеру. Затаился за деревьями. Беззаботно скинув с плеч шёлковый платок и погрузившись в купание, она не заметила, как я выкрал его, чтобы хоть на секунду уловить настоящий её запах. Каждый раз, когда я встречал её (а ведь она узнала меня лишь три раза из всех случаев) моё внутреннее «я» сходило с ума от ароматов всех тех духов, которые она использовала. И как же я мечтал однажды оказаться рядом в тот момент, когда у неё не будет нужды в них. Но разве такое может случиться с простолюдином?

Поэтому я добился желаемого через невозможное. Пробрался в королевский сад... О, Боже... Что же мной тогда двигало?! Хотя, без сомнений, оно и сейчас продолжает это делать. Решил испытать себя? Свои умения и способности? Я ведь только был на обучении, даже не на практике. Просто мечтал почувствовать её настоящую. И вот – выкрал на пятнадцать минут её платок. Я мечтал коснуться её – закрыл собой от стрелы и.... И даже не почувствовал, как сурово заташил в карету и прогнал с «поля битвы». А потом, когда ударил королевскую лошадь, в глазах начало темнеть. И темнело так быстро и стремительно, что сразу же закружилась голова, кислород был словно перекрыт, и я рухнул наземь. Быстро терял кровь. Зато коснулся. Дурак.

В плече больно стрельнуло. А мне было почти без разни-

цы. Я всё ещё продолжал мечтать дотронуться до неё. Только теперь не в порыве страха или беспокойства, а в тишине, и чтобы она меня не боялась. Но разве это возможно? После всего, что произошло?

Выстрел и поднявшиеся в небо в испуге птицы привели меня в чувство. Я проводил беспокойным взглядом пернатых и огляделся. Видеть было уже проблематично: снова вылезла из хвоста чёлка и нависла над правым глазом. Герцог Трафский безотрывно смотрел на меня, и пулю потратил, кажется, только чтобы я очнулся.

Дикие утки, которых Косолапый спугнул, приземлились на другом конце берега. Я прибил комара на шее, отводя от учителя взгляд. Выражение лица тут же изменил на «ну вот, опять оплошал», носок ботинка непроизвольно стал упираться в сыроватую почву, расковыривать траву. Даже стыдно стало...

– Ты сегодня целый день в облаках витаешь, Пэтдви, – чётко подметил декан. И я всё больше боялся, что о моих трёх промашках на задании узнали не только товарищи по команде. И что дёрнуло вчера обо всём рассказать им?! – Признавайся, что у тебя.

– Рука... Болит...

– Это не причина ходить по берегу озера и мечтательно улыбаться, растеряв бдительность.

М-да. Неловко получается. Я снова пытаюсь обмануть проницательного куратора. Он ведь всё уже увидел, всё

узнал наверняка... а может только делает вид и ещё не догадался. Продолжать играть комедию? Как же глупо...

— Я хорошо знаю эту ухмылку, эти повадки. Но улыбка... У тебя, человек, её я вижу впервые. По крайней мере, такую. И эти перемены настроения... я хорошо разбираюсь в людях.

Косолапый снова что-то жевал. У меня появилось даже дикое желание отнять флягу у куратора и выпить её целиком. Для смелости. Хотя такого объема, кажется, не хватит.

Мир остановился, время замедлилось, всё живое затихло — лишь бы не пропустить ни одного слова, которое я собирался сказать. Нутро разрывалось от чувства, что ещё немного, и я обо всём расскажу Трафскому сам. Манипулятор... Таким должен быть настоящий шпион? Я знаю этого человека почти пятнадцать лет, но он всё равно остаётся иногда для меня непредсказуемым. К примеру, сейчас. Я понятия не имею, что может сделать декан, узнав о том, что его лучший ученик влюбился.

Влюбился?!

Утки опять взлетели. Я вздрогнул от следующего выстрела в небо. Задумался так, что забыл, на какой вопрос я должен был ответить. Или его вовсе не было? Может, я просто не выспался? ...

Озвучить эту догадку я не удосужился. Или не успел. Трафский перезарядил ружьё, по-прежнему глядя на меня с подозрением. Мне было стыдно стоять перед ним вот так: все эти годы он буквально растил меня, воспитывал... Сей-

час же я и слова сказать ему не могу. Что же на меня нашло? Влюбился, значит... Вот до последнего не поверил бы. Если бы не задумался... а ведь наверняка и сам осознавал. И в кого же? В самую недоступную. Нет, ну можно было бы ещё попытать удачу, если бы я не был по отношению к ней вражеским шпионом. Но в принцессу из королевства, на которое мы скоро нападём?! Что б оно всё пропало...

Косолапый развернулся, поднял сумку, что нёс с собой, и неспешно пошёл прочь от берега. Я, понятное дело, за ним. Начало смеркаться. Зеркальное озеро отражало всё новые краски, проливающиеся на небе. Последние лучи солнышка падали на самые верхушки хвойных деревьев, красиво освещали их яркие стволы. Я снова держал нож наготове, пока герцог устанавливал ружьё меж двух сосенок, целясь в уток на озере. Меня осенила мысль, что я не хочу, чтобы Косолапый их убивал. Без сомнений, такое у меня не впервые... Чересчур не вовремя приходящее милосердие меня, однажды, наверняка погубит.

А солнце опускалось всё ниже, и ниже. Из светло-персикового небо сделалось нежно-фиолетовым. Кузнечики стрекотали всё громче, сильнее нагоняя сон, всё смеркалось и буквально плыло в прохладном воздухе. Он был пьянящим, особенно для меня. Душу терзали мысли, тревога и желание снова увидеть девушку. Не какую-то... Я хотел встретиться, поговорить с принцессой. И забыть, что она принцесса. Добиваться её, как той, которую любишь, а не хочешь использо-

вать из интереса. Это же для некоторых так экзотично – осознавать, что девушка не игрушка... так необычно и привлекательно... Аж убить охота любого, кто польстился на сердце милой.

Между тем декан всё наблюдал за мной...

– Я бы хотел продолжить говорить с тобой на тему компании, Пэтдви. – и пауза. Может, мне сквозь землю провалиться, чтобы Косолапый с деревом поговорил? ... – Сколько ты уже с нами?

Я даже не задумался над его вопросом.

– Четырнадцать полных лет в академии.

– Четырнадцать лет, – задумчиво протянул декан, не выпуская из зубов веточку мяты, – а так и не понял, что один не выживешь.

Стоило мне податься чуточку вперёд, чтобы переубедить герцога, как он заткнул меня своим продолжением.

– Зазубрил все уроки, которые я тебе давал, а толку не взял никакого. Ты может и сейчас не осознаёшь, но ведь это так. Живёшь среди беннир, вливаешься в их ритм жизни, стараешься быть как они, рискуешь, как бессмертный. Тебе уже двадцать шесть...

– Двадцать семь, герцог.

– Двадцать семь, – Косолапый посмотрел на меня, скосив глаза. А потом снова отвернулся, прицелился. Пока не село солнце, у герцога был шанс убить птиц. – Наш с тобой век короткий, Пэтдви. Не лезь на рожон. Какую бы песню тебе не

заливали эти бенниры, цени жизнь не за прекрасные цветы, а за то, что ты до сих пор жив и здоров. Ну... Хотя бы психически, – добавил куратор, покосившись на мою руку.

И выстрел. Одинокий, громкий... Как точка в предложении. Куда громче молчания и его же страшнее. Озеро у берега мигом стало красным. А утку было жаль...

Пятая встреча

POV Автор

– Ваше Высочество...

– Я хочу поговорить, Дирра.

– Вероятно, для этого мы здесь?

Принцесса коротко кивнула и пошла дальше. Они вдвоём шли в глубину королевского сада. Этот вечер был невероятно спокойным, в отличие от вчерашнего: гулял чуть заметный ветерок, солнце не слепило глаз, что предсказывало прохладный день, тихо и мелодично пели друг другу сверчки, на улице было тепло и радостно. Если бы не беспокойство принцессы...

Её волосы были заплетены в две косы, собранные у затылка крабиком под цвет простенького платья. Под него девушка надела для удобства широкие штаны. В пределах замка и его стен она не боялась ходить в старой или некрасивой одежде, хотя родителям это не нравилось. В глазах короля и королевы Гримаднесса дочь была в меру сдержана, воспитана, решительна, умела держать язык за зубами, прекрасно ладила с людьми и умела убеждать. Но не существует на свете личности без условных минусов. Лиллиин Монбери могла проявить недовольство, она была очень эмоциональна, упряма, вспыльчива, не делала того, чего не хотела сама. А если уж сама к чему-то приходила, то непременно добивалась. Её

советница и первая служанка, Дирра Нельк, регулярно помогала принцессе принимать решения и добиваться желаемого. Вероятно, именно подруга и советница больше всех влияла на принцессу.

У Дирры были светлые волосы. На работе все видели её непременно с крепким низким пучком, и лишь принцесса знала, какие у неё они, на самом деле, длинные. Работала служанкой она во дворце ещё с малых лет – прибилудилась, будучи сиротой. С тех пор не вылезала из платьев с потёртыми рукавами, светлыми воротничками и манжетами.

– Лиллиин, – выйдя за пределы дворцовых стен, Дирра перешла на их обычный жаргон, – снова беспокойно из-за... брата?

Служанка несла в руках корзину с ужином. Сегодня дочь короля не хотела есть в семейном кругу. Светским беседам и гордому молчанию после ссоры она предпочла подругу с разговорами и непритворным смехом. Или слезами.

– Нет. Дирра... – брюнетка беглым взглядом осмотрела две беседки. Сначала ей приглянулась маленькая, возле озера. Но потом нахлынули воспоминания, и выбор пал на беседку подальше. – Ты ведь слышала о том, что случилось вчера?

Служанка поставила корзину на скамью и стала вытаскивать продукты. Не сдержавшись, в ответ она посмеялась и сказала:

– О да-а. Явился рыцарь без коня и шпаги и сразил прин-

цессу наповал. Хмм... Красиво вышло, даже на стих сойдёт!

Лиллиин невесело посмеялась и помогла подруге разложить на столе скромный ужин. На кухне сегодня они взяли блюдо с рыбным салатом в соусе, маленький кувшинчик с компотом из яблок и блюдец с хлебом. Всё это восхитительно пахло, особенно на голодный желудок. Но голод казался не таким ярким по сравнению с пустотой на душе. Сейчас брюнетка нуждалась в Дирре, как в подруге.

– Мне не даёт покоя вот что, – принцесса, без церемоний сев на скамью с ногами, убрала за плечо одну из толстых кос. – Он ведь там так и остался один... Раненный и... Брошенный.

– Лиль, брось. Я, конечно, понимаю тебя, твои переживания, твоё благородство и рвение к справедливости. Но всё же... Сколько людей попадает в такие вот перебранки? И сколько живых из них остаётся?

Принцесса побледнела. Слова подруги ещё сильнее расцарапали желание вернуться туда, где ей пришлось оставить парня умирать. Что, если он ещё жив? Этот человек должен выкрутиться, спастись! Но какие были шансы у одного него против дюжины беннирских громил?

– Это он, Дирра... – глухим голосом прошептала она. Внутри всё похолодело, сердце сжалось.

– Кто? – блондинка замерла, так и не присев за стол.

Мир словно перестал существовать. Время остановилось, на улице стало прохладнее, солнце перестало освещать. Пе-

рестало существовать. Природа затихла так, что слышен был беспокойный стук сердечка принцессы.

– Тот парень... Ну помнишь? Я рассказывала...

Подруга не могла определиться, что ей вспоминать. Принцесса столько всего ей рассказывала, что мысль на правильный путь никак не вставала.

– Тот, что на похоронах был лет пять назад, потом мы встретились ещё на ярмарке и... – глаза неумолимо перевелись на беседку у озера. – И нет, – ответила она на взгляд подруги, – мне не показалось. Это действительно он. Был.

После этих слов Лиллиин оперлась локтями о столешницу, закрыла глаза напряжёнными ладонями. Дышать стало тяжелее, нос неприятно защипало. Она через пальцы опять посмотрела на беседку, тяжело вздохнула. Потом горько и тихо заплакала. Будь этот парень всего лишь проходимцем, она бы плакала от мысли, что он не виноват в случившемся. Но этот человек...

Девушке постоянно вспоминался его взгляд, слова, голос, его хулиганский стиль одежды ей мерещился в каждом углу в городах. Принцесса была уверена: то не было привязанностью, влюблённостью или чем-то похожим. Но от каждого воспоминания у неё словно загорались глаза, и жить дальше хотелось больше прежнего. Скорее, этот человек был сравним с тайной, мимолётно проскочившей мимо ушей, или каким-то секретом... Он манил и скрывался, привлекал внимание и интриговал. Да, принцессу эта тайна не на шутку

пугала. Она даже хотела когда-то рассказать обо всём матери... Но грела где-то в душе надежда на то, что она с тем парнем ещё встретится. А теперь...

Дирра была права. Но как же не хотелось верить!

Проплакавшись вдоволь, Лиллиин открыла глаза. Снова щебетали птицы, снова тепло дунул в мокрое лицо ветер. Она встала из-за стола, вышла из беседки. Служанка поняла, что подругу сейчас лучше не трогать, поэтому села наконец ужинать. Пока принцесса успокаивается, надо было успеть поесть, чтобы продолжить разговор уже сытой. Дирра сегодня была очень уставшей – после вчерашнего скандала подруга нуждалась в поддержке, комнаты – в уборке, посуда – в обновке. И удосужились же они скандалить на кухне!

Принцесса остановилась у дерева, рядом с беседкой. Помнится, она испугалась, когда с этой стороны к ней вышел он. Как же его звали? ...

Минут на пять девушка задумалась. Потом отчаялась вспомнить его имя. Её внимание было переключено на воспоминания. И вот, сейчас она обнимала шершавое дерево и глядела на беседку. И пыталась представить себе то, как она выглядела на тот момент. С момента их встречи здесь, в саду, прошло около восемнадцати месяцев. Полтора года по счислению Внешнего мира... Она тогда была напуганной до смерти – а сейчас так смешно! Без сомнений, тайна, какой страшной была, такой и осталась. Занудела у девушки в голове странная мысль: может, это тепло на душе от воспоминаний.

наний – всего лишь нервное?

Мысли Лиллиин оборвались. Пальцы нащупали чуть заметную вырезку на коре старого дерева. Она была на уровне глаз принцессы, поэтому разглядеть её ей не составило труда.

На дереве был вырезан рисунок размером с крупную ягоду. Это был всего один символ: буква «А» с очень высокой серединной палочкой. Лиллиин даже засомневалась: действительно ли это «А»? Может быть, прописная «П»? Тем не менее... Что это за рисунок?

Она думала не долго. Потом по-детски шмыгнула носом и уверенно сказала:

– Дирра. Завтра мы едем в Хифу.

– Зачем? – поинтересовалась подруга. – Лиль, всё хорошо?

– Мы едем в Хифу за... За ножнами. Для арфера.

План принцессы был не понятен для блондинки, но подвох ощущался очень сильно. Да и видно, что решение это было спонтанным и на данный момент только продумывалось.

– Что ты задумала?

Спустя некоторое время, проведённое в тишине и тени дерева, Лиллиин вернулась за стол ужинать. Лишь потом она пояснила свои слова:

– Мы должны вернуться туда, где остался тот парень. Мне кажется, что мы всё ещё можем застать его в живых и спасти.

Дирра застыла. Они обязательно поедут завтра, если Лил-

лиин прикажет. Но служанка задумалась: что, если поедут они вдвоём? На них могут напасть преступники, а потом обокрасть, похитить принцессу... К тому же, хорошо, если девушкам удастся встретить того человека живым. А если мёртвым? Лиллиин до сих пор не оправилась от смерти родного брата. Прошло шесть лет, а она плачет и страдает по нему, как будто он умер неделю назад. Сердце королевы Калирь слабо. Что, если дочь унаследовала у неё эту болезнь?

Ужин закончился в тишине, без аппетита. Головы подруг были забиты планами и тревогой. Лиллиин было трудно понять, что она должна сделать, а на что её толкает импульсивность. А Дирра...

Когда-то давно ей было всё равно, как она будет жить, как она умрёт и что её ждёт впереди. А потом она попала сюда. Королевство Гримаднесс приютило её. Во дворце взяли на работу, которая становилась тяжелее с каждым годом. Но здесь её единственная подруга, и цель... Даже цель в жизни была. Но озвучивать её для самой себя Дирра не решалась. Достаточно было знать, что она есть.

После ужина Лиллиин ещё раз проплакалась, а после вернулась во дворец. Родители могли начать беспокоиться из-за поведения дочери, хотя знали, что она зачастую предпочитала душным помещениям свежий воздух. Дирра же осталась в саду встречать сумерки. После заката солнца она обычно была свободна.

POV Дирра

Время замерло, когда я с удовольствием вдохнула свежий воздух. Расправила платье у подола. Распустила волосы. Как же иногда болит голова от этих тугих причёсок! И как же иногда хочется дать отдохнуть голове прямо на работе...

Цветы начали собирать свои лепестки в бутоны. Иногда мне кажется, будто я чувствую их движения. А может быть, я просто накручиваю себя. Выросши среди беннир и не такое чудиться начнёт! Я и сама была, наверное, бенниром...

Я потеряла родителей в глубоком детстве. Попала в детский дом. Не сказать, чтобы там было плохо, но маленькому ребёнку без родителей и поле будет заточением. Я сбежала оттуда, около года жила на улице. До этого момента совсем мало, что помню из детства. Благо, Гримаднесс – страна весны. Я не мёрзла почти никогда. Еды тоже было достаточно для выживания: почва плодородная, гнилое семя взойдёт. Я выращивала какие-то травы, даже не понимая толком, что это. Просто однажды встретила старика. Как сейчас помню: он был одет в лохмотья, руки облезлые и чёрные, лицо не особо привлекательное, всё в грязи. К тому же, его искажала не самая приятная ухмылка. И пахло от него помойкой. В общем, этот человек (или беннир) положил мне в ладонь самое первое семечко. «Посади его, и нищета пройдёт», – сказал он тогда. Помню, я недоверчиво посмотрела на него. Почему же он сам не выбрался из этой нищеты, если у него было это «волшебное» семечко?

Не знаю, что это было. Но, как оказалось, очень полезное.

Проросло оно довольно быстро, превратилось в несколько длинных зелёных язычков. Не став дожидаться чего-то более... выросшего, я принесла это растение на рынок. И какая-то женщина действительно купила его! Сейчас кажется, что отдала она в два раза больше названной цены только из-за жалости к маленькому ребёнку.

А потом, спустя какое-то время, я добралась до замка, следуя за беннирами. И здесь меня приютили.

И я не знаю, кем являюсь. Это было как-то не принципиально для меня: чем особым мы отличается? Люди и бенниры. Просто обе расы слишком критично относятся к другим. Или...

Не важно.

Солнце садилось. Небо стало тёмно-фиолетовым, лиловым. Сверчки и кузнечики всё не умолкали, становилось прохладнее. Будь я всё ещё бродягой, и не заметила бы. А сейчас живу в роскоши... Айрон и Калирь Монбери однажды назвали меня своей второй дочерью. Конечно, это было неформально и даже в шутку. Если бы меня признали Второй, я бы не работала здесь больше, как служанка. Но меня всё устраивает. У меня больше свободы, чем у Лили, хоть и работы – тоже. Мне не приходится скучать в своей громадной комнате, как ей, и ездить за тридевять земель не надо. Вот это, пожалуй, мне действительно по душе.

И наступает со временем ночная тишина: потихоньку жуки расползаются; успокаивается вода во рве и в реке. Только

ветерок и шёпот трав, веточек, листочков...

Я прихлопнула на плече комара, жадно пившего мою кровь. Напасть... Наблюдать за природой до этого момента было так приятно!

Просидела я в саду до глубокой ночи. Я наблюдала за тем, как медленно скрывается солнце, восходят две прекрасные маленькие луны – у Миршваддара было два спутника, расположенных не далеко друг от друга. Только тогда, когда мне стало лень уже кормить комаров и убивать их же, я со вздохом поднялась с травы и направилась к почерневшему замку.

Как же я надеюсь, что Лиллиин не влюбилась... Её отец будет в ярости! Простолюдин, ещё и не пойми кто. Что, если этот человек не просто так «показывается» перед ней? Что, если он... Разведчик? Шпион?! Если принцесса заговорит с ним, она может лишнего сказать, и тогда...

Что тогда будет! Не дай Жизни воли сравнять Гримаднесс с землёй... Если таинственный незнакомец из Гвельгофрина, нашему королевству несдобровать.

С этими мыслями я вошла в башню, дошла до своей комнаты и с шумом упала на кровать.

* * *

POV Пэтдви

К полуночи мы с герцогом Трафским уже были в академии. Всю дорогу я не мог уснуть: беспокоили новости о подступавшей войне. Судя по всему, о ней знаем только мы, солдаты. Гримаднесс даже не подозревает, что наш народ гото-

вится к удару. Они тихо надеются... И не готовятся. Не смогу я. Ну не смогу воевать за, всё-таки, чужую для меня страну против безоружных и неготовых к удару в спину! Против Неё...

Я разглядывал из окна звёзды, наблюдал за светлячками. Один из них даже залетел к нам в «корягу», и я его поймал. Ненадолго, правда... Со страху он обжёг меня своим светом. Фауна Защитного Мира отличается от фауны Внешнего, и довольно много чем.

Всё смотрел на звёзды и думал, вспоминал, пытался понять и осознать всю серьёзность происходящего. Утром у меня снова будут занятия. Те же уроки, тренировки, бои... Рутинa, да и только. Без сомнений, эту рутину я люблю – она никогда не бывает монотонной. Всегда что-то происходит, переворачивается, запутывается... И везде есть я. И за это я люблю свою рутину. Удивительно... Мне сочувствует добрая половина однокурсников, адептов с моего факультета. А мне нравится каждый раз выходить сухим из воды и придумывать всё новые планы по выходу из той или иной нестандартной ситуации. Только с проблемами, кажется, я могу чувствовать себя живым.

Я задремал лишь к концу поездки. Приехав, наскоро умылся и лёг спать. И спокойная рутина моя даже начаться не успела. Споткнулась на пороге в мою комнату и покати-лась кубарем.

На рассвете в комнату ворвался Трафский в сопровожде-

нии трёх моих товарищей. Несмотря на плохой сон, они разбудили меня с трудом: по их словам, я отнекивался и нёс какую-то чушь по типу «разбудите меня завтра, когда я заберусь обратно в бочку». С пробуждением я этого не помнил. В моей тяжёлой голове были только мысли о том, что меня сдали. Тайна о трёх промашках больше не тайна? Герцог всё знает, и меня ждёт разговор «серьёзней некуда»? Но что тогда в моей комнате делают ещё трое? Мне бы и одного декана хватило.

Однако мои догадки и опасения насчёт промашек вновь не оправдались. Всё было куда хуже.

– Пэтдви, дружище!

– Выручай...

Я смотрел на адептов ещё сонными глазами. Не осознавал ничего, в глаза лезли волосы, майка задралась от беспокойного сна, а одеяло норовило упасть с кровати.

– Что произошло? – я убрал волосы за уши, приняв сидячее положение. Койка хрустнула, когда Трафский со злоющим лицом облокотился о её бортик.

– Твои однокурсники забыли в Гримаднесе сумку. В ней карта и письмо... Какое письмо? – уточнил декан у Эрна, одного из оплошавших.

– Докладная. По всему походу.

Я тяжело вздохнул, протирая глаза. И ясно вспомнил.

Нас было двенадцать человек. Сумку доверили Эрну. Кто-то уже говорил, что лучше доверить её кому-нибудь друго-

му. Тогда, услышав подъезжающую карету, шпионы по глупости бросились врассыпную в испуге быть замеченными. В итоге далеко убежать не смогли: таинственная непогода испоганила все планы. К тому же лошадь королевской повозки подвернула ногу. Кучер застал нас врасплох, и нам ничего не оставалось делать. Началась игра в местных разбойников. А Эрн, на всякий случай, выбросил сумку в ближайшие кусты. Когда спектакль был сыгран и один из актёров, то бишь я, начал оседать на землю с раненной рукой, про сумку все забыли. Так и уехали, оставив её в кустах...

– И вы все хотите, – начал рассуждать я, – отправить меня за ней?

– Тебя, Пэтдви. Больше никому доверить я это не смогу, – декан зло оглядел своих подопечных. А потом озвучил для них наказание. – С каждого по зачёту.

– Подождите-подождите... – спать хотелось всё меньше. – Когда я должен туда вернуться? И с кем я буду?

Я знал, что если отправляют куда-то, то стоит сразу узнать план до мельчайших подробностей. Отказываться – себе же хуже, всё равно не получится. Чем больше знаю, тем спокойнее будет.

Все переглянулись. И все трое тут же по-солдатски сделали шаг назад. Ясно дали понять, что вернуться в соседнее королевство не хочется никому. А мне в любом случае придётся.

А что, если я встречу там Её? ...

Дурацкая улыбка. Надеюсь, они посчитали её нервной или... Не важно.

Снова убрал волосы. С утра они всегда лезут в глаза настойчивее. Я подтянул майку, раздражённо посмотрел на разрушителей моего сна. Не постеснялся даже на Трафского с недовольством взглянуть. Ему было не до шуток. Докладная по всему походу могла обернуться ещё более холодной и жестокой войной. Зато гриммы успели бы подготовиться...

И тут в комнату ввалился Сад. Я знал, что он придёт, но понятия не имел, когда именно. Он всегда приходил. Будил, расталкивал, уговаривал сходить на завтрак. И сейчас он с удивлением остановился на пороге и посмотрел на тех, кто пришёл ко мне раньше него.

– Вот с ним и поедешь. Выходите как можно раньше.

Зыркнув недобрый взглядом по неубранной комнате, Косолапый развернулся и шумно ушёл по коридору. В таких случаях он больше всего похож на медведя. Шатуна.

Пожав плечами, трое нашкодивших виновато посмотрели на меня и пошли за куратором. Эрн от моего пристального взгляда сначала споткнулся на пороге, а потом и вовсе ударился об косяк. А Сад с недоумением уставился на меня.

– Куда поеду?

* * *

POV автор

Пэтдви обо всём рассказал другу. Беннир, ссутулившись, слушал и становился всё более напряжённым. Не любил он

поездки. Особенно такие далёкие, ещё и накануне погрома. Снова вернуться поздно, ехать долго, опасно. Что казалось Саду самым обидным, они с Анкером не были виноваты в этой ситуации. Пэтдви был серьёзно ранен и Сад первый бросился к нему на помощь. Остальные так, по мелочам. И вот, теперь им всю заваруху за остальными расхлёбывать!

– Косолапого не волнует, что ты ранен?! Или его вообще ничего кроме алкоголя не волнует? – теперь друг ходил по комнате, от возмущения размахивая перед человеком руками. Кудрявый морщился от каждого громкого звука. – Это безответственно!

– Не безответственно. Небезопасно.

– Тем более – небезопасно! Да когда у нас вообще вылазки из академии были безопасными? На втором курсе? Первом?

Пэтдви мрачно пожал плечами. Он сидел на своей кровати, наспех заправленной. Адепты присели перебинтовать раненное плечо человека и засиделись. В путь человек надел широкие штаны, удобные походные ботинки с прочными наголенниками, кожаную куртку, свободную футболку чёрного цвета, с яркой вышитой надписью «Rock is life». Во внешнем мире эта надпись переводилась фразой «Рок – это жизнь». Кажется, так назывался один из стилей или жанров музыки. Мужчины в поход одевались всегда неприметно, без каких-либо отличительных знаков, наводящих на мысль, откуда они и зачем пришли. На поясе парня крепко была завязана небольшая сумка, к которой крепился охотничий нож.

Рядом с Пэтдви лежал средних размеров рюкзак. В нём была спрятана запасная одежда, провизия и свиток, на случай перепалки. Надо же на чём-то в крайний случай письмо карябать. Или стих в припадке вдохновения. Да, такое тоже бывает!

Повозмущавшись ещё с лучинку, Сад, наконец, собрался. В последний раз бросив печальный взгляд на мягкую кровать, Пэтдви закрыл дверь и ещё минут через десять вышел с Садом за пределы академии. Ключ от двери своей комнаты шпион повесил себе на грудь, на крепкую цепочку. Он постоянно терял его.

До границы их довёз Косолапый. Он в очередной раз проинструктировал своих подопечных и, дав по «счастливой» затрещине обоим, с чистой совестью отпустил их в Гримад-несс. Человеку посоветовал взять с собой огнестрельное ружьё, но тот отказался: «Бесчестно. Да и поймают – им же и прикончат».

«Ну что ж, принцесса... – подумал человек, садясь в лодку на Исспайн. – Ждите. Скоро буду снова с Вами».

Пусть ни одна из предыдущих встреч не была всерьёз запланированной, Пэтдви верил, что он сможет вновь встретиться с девушкой. Каждое произошедшее когда-то пересечение всё больше дарило человеку какую-то тревожную надежду.

Двое гребцов, которым Сад отдал по серебряной монете, толкнули лодку и отправили её к границам соседнего

государства. Дорога планировалась недолгой, относительно всех их прошлых путешествий и командировок. Но времени на «подумать» и даже «додуматься и переосмыслить» было предостаточно. Поэтому человек углубился в себя, глядя куда-то вперёд.

Туман незаметно растворялся в воздухе, но берега у самой земли и река всё ещё прятались под ним. И казалось, словно лодка плыла по небу, рассекала густые облака, а те приземлялись на скалы. Ветер приносил с собой запах тины. На травинках, веточках и бутонах цветов ещё покоились ледяные росинки, между ними – тонкие паутинки с капельками воды. И мужчины-адепты, и гребцы кутались в свои одеяния: прохладный воздух ранним утром был неприятен. Хотя беннирам следовало бы любить каждую минуту...

Неправильное это суждение. Никто ничего не обязан любить из-за его расы, культуры, веры, обычаев. Все существа в мире разные, все индивидуальны и каждый из них имеет право на собственный выбор. И кем бы ты ни был, любить следует то, что ты действительно любишь. Жаль, беннирам об этом если и говорили, то они не слушали. С другой стороны, может, бенниры – это не раса, а скопище гордых и отчуждённых единомышленников? А всё остальное – лишь история, сказка и внушение? Может быть. Слишком древен Защитный Мир, чтобы заглядывать в прошлое время. И слишком короток нынешний век, чтобы не смотреть вперёд.

Путники плыли в спящей тишине. Склонившиеся над ре-

кой Исслайн старые дрыйи, деревья с целебным соком ярко-голубого цвета, кланялись им как живые. Такие подвижные, изящные, мягкие и грациозные... Как женщины, что сажали их на рассвете Жизни. О Матерях этих ходят легенды, как странствовали они по новому Миру, подбирали с земли камушки и, грея их в ладонях, лепили семечки целебных деревьев. И как находили обрубки от их стараний, после чего карали убийц священных деревьев. Кровью невеж наполнялись чаши, из которых Матери поливали маленькие, только что посаженные дрыйи. И с тех пор росли они в два раза выше, быстрее и сильнее. Кто-то даже верил, что в дрыйях заключена магия и самая настоящая Жизнь.

И вот они, гибкие, извилистые и прекрасные, вдоль берегов и над водой. На границе шпионы из академии должны были сойти на землю, чтобы стук вёсел о воду дальше не был слышен. Сад и Пэтдви тихо спустились в камыши. Впервые сойдя здесь на берег, они бы поскользнулись и упали в воду, а сейчас, уже наученные и обученные всему, даже не пошатнулись, ступив на скользкие камни. Хлопнув по носу старой лодки, человек попрощался с гребцами. Те лишь коротко кивнули и начали разворачивать лодку. Всё, как всегда. Всё, как обычно. Только странная доля беспокойства не на шутку терзала шпионов изнутри. Что, если сумку уже нашли?

Пэтдви проводил взглядом гребцов и скрылся в высокой траве. Здесь тумана уже почти совсем не было, и весь лес

был как на ладони. Тихо достав нож из-за пояса, он спрятал его в рукаве и пошёл за Садом. Друг уже успел отдалиться на небольшое расстояние. Если так подумать, беспокойство сопровождало Отряд Скрытных всегда. Будешь тут спокоен и безмятежен на чужой, неприветливой по отношению к ним, земле. Но сегодня оказалось, что сохранность шпионской тайны уже третий день под вопросом.

Первые солнечные лучи в Гримаднесе сопровождались тихим щебетом ранних птичек. Просыпались насекомые, раскрывали свои крылышки и разминали лапки. Веяло прохладой. Пахло свежестью и жизнью так, как пахнет ранним утром в нехоженом лесу или, к примеру, высоко в одиноких горах. Густо выросший лес составил целый лабиринт из самых разных деревьев. Кажется, что только дрыййи здесь не росли. Они нуждаются в большом количестве влаги, оттого в основном прорастают у рек и широких озёр.

Пэтдви думал о двух вещах. О том, как он отоспался бы сегодня, не будь его однокурсники склерозниками, и о том, как бы не нарваться на приключения. Пусть он их в какой-то степени действительно любил, сейчас они точно были не к месту. Перебинтованная рука слаба, ноющая и периодически режущая боль иногда заставляла корчиться. Особенно, когда Пэтдви забывал о ранении.

Впереди хрустнула ветка. Только благодаря этому человек заметил, что Сад насторожился, как пёс на охоте. До этого они шли на расстоянии, позволяющем держать друг друга

в поле зрения. А сейчас, сосредоточившись, Пэтдви тихо и незаметно прокрался к другу за спину.

– Животные проснулись, – одними губами прошептал беннир, – поздно мы...

Животные в приграничном лесу могли быть разными. Но раньше всех просыпались хищники. Небольшие нарры, похожие на слепых кротов, с длинными когтями и тупыми клыками, крупные лисицы, размером со взрослого тигра во Внешнем Мире, с узкой мордой и длинными глазами, медведи, поселившиеся в обоих Мирах... Встречались даже рыси и сегноры – шикарные кошки размером с пантеру, а иногда и больше. Красивые, но очень опасные. У беннир в культуре уже множество веков практикуется дрессировка сегноров и волков.

Когда Сад попятился, Пэтдви пригляделся к тому месту, где ворошилась трава и тихо хрустели веточки. Для опасного, животное было слишком маленьким, а для безобидного – слишком шумным. Огромный лопух загораживал зверя от глаз беннира и человека, что всё пятились и пятились. Сад с испугом. Пэтдви – с настороженностью. Когда они сделали уже добрых два шага, человек громко хмыкнул и потеснил друга в сторону, проходя к лопуху. Ему открылся вид под его лист, и там он увидел маленького зайчонка.

– Серьёзно?! – всплеснул руками беннир. – Я был готов поверить, что там нарра...

– Меньше переживай, – посоветовал Пэтдви, – тогда ниче-

го страшного казаться не будет. Спрячь нож, Сад. Мы близки к хижине.

На деле, дошли до убежища они лишь к полудню, когда солнце оказалось в зените. Ноги не ныли бы, если бы друзья, поддавшись соблазну, не упали на кресла внутри избушки. На те самые кресла, в которых они сидели два дня назад. Так часто и так поздно походы они ещё не совершали никогда.

Солнце пробивалось сквозь порванные занавески на окнах, пекло всё, чего касалось своими лучами, будь то доски, ковёр, сено, кожа... На подоконник со стороны улицы периодически садились маленькие птички, уверенные, что их никто не тронет. Они звонко щебетали, взмывали в воздух, садились на вершины дубов и сосенок и со свистом падали с них, останавливаясь в полёте прямо над землёй. Были и другие птицы, крупнее и скрытнее. Они прятались в глубине леса, не показывались, лишь протяжно подавали иногда голос. Оттого чаще казалась дикой, глубокой...

Пэтдви, лёжа в кресле, глубоко и с удовольствием вдохнул. В воздухе смешались запахи утренней сырости, дневной жары, смолы, растопленной на солнышке, дерева, пыли и дыма. А ещё приятно пахло особенностью.

Так было всегда, когда парень находился в избе. Когда знал, что был выбран для миссии он, а остальные – в помощники. Эта приятная щекотка неизвестности, опасности, особенности, избранности... и, может быть, немного лести. Ему нравилось влипать в приключения. Они всегда оборачива-

лись так, как не ожидал никто. В этом была, по мнению Пэтдви, прелесть разнообразной и нескучной жизни.

Сад стянул с ноги башмак. С угрюмым лицом поправил штанину, задравшуюся до середины голени. А потом он тяжело вздохнул и натянул башмак обратно.

– Если мы сейчас же не пойдём и не заберём эту чёртову сумку, клянусь: я натру себе мозоль не только на ступне, но и на заднице.

От такого неожиданного высказывания Пэтдви громко рассмеялся. Во время смеха его голос становился каким-то неподдельным, искренним, глубоким и ещё более низким, чем в обычное время. Это был некий мелодичный смех, не свойственный кровожадному воину или охотнику. Свойственный человеку с добрым сердцем. Ну и немного с чувством юмора. В будущем Пэтдви бы очень пошла роль семьянина со спокойной жизнью в таком вот маленьком, лесном домике, но о спокойствии в его бытии никакой речи уже не идёт.

– Значит, выходим. Ты запомнил, где Эрн потерял сумку?

– Там, где тебя ранили. Такое забудешь...

Пэтдви и сам помнил, просто тишина была слишком приятной, чтобы уходить. Надо было её нарушить, преодолеть себя и пойти дальше.

Парень обеими руками облокотился о ручки кресла и встал, пожалев о содеянном. Плечо пронзило новой болью, вся рука заныла. Чем больше времени проходило, тем про-

тивнее была эта боль. Без желания думать об этом, человек расслабил лицо, чтобы не выдавать свои чувства. Сад поднялся за ним, подхватил свою походную сумку и первым пошёл к выходу. А друг против воли задержался у камина.

Он не горел, в нём остались лишь угли и куча золы. Очаг обгорел, почернел. Казалось, проведёшь по нему рукой – не узнаешь потом ладонь, собравшую на себя грязь. Возле железного совка у камина лежал небольшой, кругленький уголёк. Совсем рядом с сырым сеном, разбросанным в избе почти в каждом углу. Пэтдви подумалось, что, попади этот уголёк горящим чуть дальше нынешнего, хижина снова сгорела бы. Интересно, что стало причиной её первой разрухи?

– Ты идёшь? Или останешься тут караулить дрова?

Парень хмыкнул и, носком сапога закинув уголёк обратно в очаг, ответил:

– У меня действительно есть выбор?

* * *

POV Пэтдви

Ещё около двадцати минут, и мы будем на месте. Надо же, даже в проблемы не влипли. Хотя... Рано я это сказал. Надо бы сначала сумку достать, потом вернуться, и только после этого судить, на сколько опасным было очередное приключение.

Лес. Кругом могучие деревья, высокие пахучие травы, кустарники выше головы и тысячи обитателей леса. Больше всего было видно насекомых. Они летали, носились от одно-

го дерева к другому, жужжали и всячески мешались. По самым толстым и высоким стволам вверх-вниз скакали грызуны и белочки. Они таскали что-то с собой, для своего потомства и, наверное, для себя.

Мы заходили всё глубже. Я с лёгкой улыбкой провожал взглядом птиц, с наслаждением вдыхал воздух, к которому уже давно привык. Прогулка по лесу быстрым шагом должна была, наверное, заставить меня сосредоточиться... Но я не мог. Сумка потихоньку вылетала у меня из головы. Я хотел гулять здесь на протяжении долгого времени, забираться на деревья и наблюдать за природой сверху, где меня не увидят животные. Однажды у меня была возможность забраться на дерево в королевском саду Монбери...

Я мысленно дал себе пощёчину. Подглядывать за дамой без её согласия? ... Только если она в курсе. Только если она позволяет. А принцесса с характером, просто так не позволит ошиваться рядом. Не позволит, зная, что я ничего ей не сделаю. Хотя откуда мне знать? Я ведь даже не знаком с ней. Между нами пробежалось четыре интрижки. Четыре искорки. Рано судить и делать выводы.

Я заметил, как Сад наблюдает за мной. В пол оборота, почти не глядя на меня прямо. Я поднял голову, приподнял бровь и развёл руками, мол "что?".

– Надо же... Ты человек, а к культуре и обычаям беннир проникся побольше моего, – хмыкнул Сад, остановившись и облокотившись о сосенку. Судя по его красному лицу, он

нуждался в отдыхе.

– Ты о чём? – я непонимающе взгляделся в выражение лица друга, ожидая подвоха. В чём я проникся?

– Наблюдаешь за окружающим миром и наслаждаешься природой даже во время миссии. Другище, ты вообще здоров?

Сад издевательски потрогал тыльной стороной ладони мой лоб, будто пытался обнаружить у меня температуру. Я сжал губы в тонкую линию. Не люблю, когда кто-то касается меня. Вот так особенно.

– Нет, дело не в культуре, – я слегка оттолкнул Сада, снова вернувшись к своим мыслям. – Просто я нашёл смысл улыбаться. Разве для этого надо быть одним из вас?

Друг в ответ только ухмыльнулся. Знал он этот смысл. Наверняка снова подумал про девушку. А ведь она могла бы стать этим смыслом... а может, уже...

Мотнув головой, я убрал с лица пряди волнистых, тёмных волос. Надо бы снова перезаплести хвостик...

Пока мы были на привале, я успешно порвал резинку для волос. Становилось теплее, и я решил снять куртку и убрать её в сумку. Фляга с водой оказалась уже на четверть пуста. Солнце пекло, хотя воздух ещё был прохладным. Ветер мог заставить поёжиться, а-то и вовсе достать и надеть куртку обратно, но мы держали путь на солнечной стороне, почти совсем без теней и оврагов. Поэтому куртку я доставать не стал. Напоследок проверив забинтованное плечо, мы пошли

дальше.

– Осталось немного. Что будем делать, если не найдём сумку?

Я задал этот вопрос другу, когда он снова сбился с шага, обнаружив на своей руке крупное смоляное пятно.

Чем ближе мы подходили к тому кусту, тем тревожнее становилось. А Сад ответил мне, только остановившись в десяти локтях у того самого куста.

– Придётся сваливать. Как можно быстрее и резче. Там не было ничего особо важного. Так ведь?

– Насколько я знаю, так. Но всё же...

В кустах у самой дороги громко хрустнула ветка. Я был готов поклясться, что раздавила её отнюдь не маленькая лапка. И что это был тот самый куст, в котором должна была лежать чёртова сумка.

Мы замерли на месте.

Перестали дышать.

Стараясь быть предельно тихим, я вынул нож, который успел спрятать по пути обратно за пояс, и согнулся в коленях, почти спрятавшись в траве. Если бы не тёмная одежда и волосы...

Снова хруст. Беннир попятился, словно почувствовал опасность куда ярче, чем она могла казаться. И не зря. Из-за веток и кустов показался пушистый бурый хвост. Со светлым кончиком. За ним показалась узкая морда с длинными, хищными глазами. В зубах она держала ничто иное, как сум-

ку Эрна.

Только лисиц нам здесь не хватало.

– Там что, ещё и еда была?! Эрн... Я прикончу его! – пролепетал Сад, приблизившись к широкой ели.

– Ага. Если выживешь.

Сказал я это и замахнулся ножом. Резко выпрямился, почти застав лису врасплох. Она знала, что я здесь, но не ожидала от меня таких дерзких действий. Выронив из зубов сумку от оскала, она сначала ответила мне резким движением, а потом медленно начала подкрадываться ко мне по кругу. Я напрягся. Плечо снова начало ныть.

– Придурок, беги! – гаркнул Сад.

Лиса решила, что это звуки начала бойни. Она бросилась в мою сторону.

Я вовремя замахнулся ножом, оставив на морде зверя длинную полосу отсечённого меха. Она взвыла, а потом кинулась на меня с ещё большей яростью. От первого выпада я увернулся, ударившись виском о ветвь дерева, во время второго проткнул ей ножом бок и с силой дал в морду ногой. До ощущения боли она успела только сжать челюстями мой сапог. Зверь был крупный, мне приходилось отдавать все свои силы, чтобы заставить его почувствовать опасность. Я подпрыгнул, оттолкнувшись ногой о корень дерева, затем ударил хищника по спине. Лиса клацнула зубами у моей голени, за что тут же поплатилась: я успел нанести следующий удар. Мне казалось, наши движения расплывались от такой ско-

рости, мы сливались с окружающим миром. Вероятно, нас выдавала лишь пустошь и тишина, которая образуется при появлении диких зверей. Сквозь рыки и стук в висках я едва заметил, что к месту сражения шумно подъезжала карета. Хромая лиса дёрнулась от моего следующего выпада и припустила в глубь леса, истекая кровью.

Я не заметил, как моё плечо начало кровить. Поддавшись во время сражения лёгкой панике, я в принципе не замечал ничего, что было в округе. Голова закружилась от удара о дерево, и я осел на колени, стараясь не упасть совсем. Придерживая одной рукой повязку на руке, я пытался прийти в себя. Удалось сделать это только когда из кареты, остановившейся у обочины, выбежала дюжина беннир. Подняв мутнеющий взор в их сторону, я увидел двух девушек... и целый отряд королевской стражи, несколько солдат из которой спешили в мою сторону.

* * *

POV Автор

Лиллиин уговорила родителей на поездку в Хифу только при условии, что с ними будет достаточно серьёзная охрана. Зачем дочери в город, король и королева так и не поняли, но будучи привыкшими к её странностям, сопротивлялись не долго. К тому же принцесса уже не особо нуждалась в разрешении родителей – ей было уже двадцать пять лет. Роль играл только домашний арест, на который её посадили после инцидента в дороге. И в двадцать пять, и в сорок лет с роди-

телями не поспоришь...

И вот, наряженные в пышные платья, принцесса Лиллиин и её подруга Дирра спешили к тому месту, где на них напали громилы и где по мнению девушки они могли найти парня, что принял позавчера удар на себя. И (о боже, как же так?!) они действительно обнаружили недалеко от дороги человека.

Перед шумихой Лиллиин и без того была как на иголках. Служанка держала её за руку, периодически крепко сжимая, чтобы подруга успокоилась. Блондинка очень сомневалась, что защитник принцессы остался жив, ещё и спустя время. Как им казалось, помочь ему уцелеть могло лишь чудо.

На подъезде к тому самому месту послышался грубый мужской крик. Короткий, будто кто-то что-то кому-то сказал. С испугом и упрёком. Лиллиин вскочила с места, ударившись об косяк рукой. Карета пошатнулась.

Дирра выглянула в окно. За забором из множества деревьев на расстоянии едва проглядывался вихрь из движений. Эти движения были необычайно резкими и быстрыми, и девушке чудом удалось различить фигуры сцепившихся. Мужчина двигался очень быстро и отчётливо, а возле него кружился дикий зверь. Это была быстрая схватка нечеловеческих тел. Хотя один из дерущихся был, на удивление, человеком, но этого Дирра не знала. А принцесса...

Принцесса Гримаднесса готова была и вовсе больше не дышать от мысли, что человек жив. Пока что. Надо было

срочно выручать его, пока не случилось непоправимое. Одно не выходило у Лиллиин из головы: как он так быстро наносил лисе удары? ...

– Остановить движение! Помогите человеку!

– Но Ваше...

– Я сказала остановить!!!

Кучер ускорил лошадей. Кабину затрясло, девушкам пришлось прижаться к сиденьям внутри. Подкатив к ближайшим кустам, беннир остановил карету. Не прошло и секунды – на счастье раненного, животное убежало в лес. Но сам он рухнул на колени.

Сердце Лиллиин билось так, словно расстояние от дворца до этого места она пробежала сама, уложившись в очень короткий срок. Она бросилась к парню, когда наконец почувствовала ноги и землю под ними. Стража уже окружила его со всех сторон. Один из них осматривал плечо, с которого почти совсем слетела повязка. Темная кровь бежала вниз, по обнажённой руке. Человек дышал тяжело и беспокойно. И безотрывно смотрел на принцессу. Казалось, он больше ничего не замечал. Боль и эта напуганная девушка... словно они были для него единственными в этом мире. Ничего больше не существовало.

Споткнувшись по пути к раненому о разодранную сумку, Лиллиин не придавала этому большого значения. Она продолжила бежать. Достигнув человека, она опустилась рядом с ним на колени, оттеснив стражников. Между ней и молодым

мужчиной было совсем небольшое расстояние. От этой мысли у Пэтдви побежали по коже приятные мурашки, хоть он и списал их появление на плохое самочувствие.

Она сама подошла к нему? ...

Принцесса протянула трясущиеся от волнения руки к лицу человека и слегка приподняла его голову, касаясь подбородка и щёк. Особых сил для этого не понадобилось: парень и так не спускал с неё глаз, а от касания поднял голову сам. Его кожа была шероховатой, даже слегка грубой от сухого воздуха. Но отпустить его уже не получалось. Девушка смотрела в глаза человека и видела в них больше, чем когда-либо в чьих-то других. Это был интерес, туман, благодарность... Загадка... Холодная тайна с тёплой улыбкой. Именно таким он был. Казалось, он был невероятно счастлив, что бенниры спугнули зверя. Или что спугнули зверя именно эти бенниры. Лиллиин смотрела на него, и сама не подозревала, что её небесно-голубые глаза говорили ничуть не хуже его. Девушка боялась сделать что-то не так. Она не была удивлена этой встрече. Она рада, что встреча состоялась. Она его помнит...

– Он серьёзно ранен, Ваше Высочество, – небрежно доложил один из стражников. Многие смотрели на девушку и человека и недоумевали, совершенно не нарушая построения.

– Да, ещё позавчера... – ледяным голосом ответила принцесса, не переставая смотреть парню в глаза. – Ему понадобится медицинская помощь.

Она была прекрасна. Свободное платье зелёного цвета,

пышная, тугая коса, заколотая гребнями ручной работы, почти незаметно испуганное выражение лица... Парень видел её в королевском саду не нарядную, без украшений, с распущенными волосами. Он, казалось, проникся к ней настоящей, а не дорогим платьям и драгоценным камням. Оттого и думал: «Она другая, не такая, какой выдаёт себя на людях. Но притворяется прелестно. Она – прелестна...»

Дирра подошла к месту недавнего сражения последней, тут же положила на плечо подруги руку. Принцесса молча поднялась на ноги. С удивлением обнаружив, что наткнулись они действительно на Того Самого человека, Дирра застыла. Склонив перед Лиллиин голову, она коротко спросила:

– Обратно во дворец, Ваше Высочество?

Принцесса поднялась с травы. Даже не отряхнув от земли и сухой грязи платье, она холодным, уверенным голосом ответила:

– Нет. В Хифу. Во дворце нас примут без нужных лекарств. К тому же, город ближе. Помогите человеку...

Пэтдви уже встал сам. Опираясь о локоть, который был подставлен одним из стражников, он медленно пошёл к карете, не сопротивляясь. Просто он знал, что убежать не сможет. Просто не хотел убегать. Но голова кружилась, и идти самостоятельно было проблематично.

Она коснулась его! Она сидела совсем рядом и касалась его лица... Сказочная, в мягком, тёмно-зелёном платье, с собранными в толстую французскую косу чёрными, как ночь,

волосами. Неужели... Неужели это правда? Принцесса переживала за него, волновалась. Она помнила о том, что происходило за несколько лет до этого дня... И везла теперь в столицу, чтобы вылечить.

«Лишь бы не встретить там никого, кто знает меня...» – подумал тогда Пэтдви.

Лиллиин поспешила к карете вслед за стражей. В очередной раз споткнувшись о разорванную сумку, на этот раз она остановилась. Недолго подумав, она взяла её в руки. Выглядела сумка так, будто лежала она здесь достаточно давно. Мятая, рваная, грязная, она точно пережила ураган, что пронёсся по королевству в день памяти Винда.

«Неужели эту сумку оставил кто-то из разбойников? Или её оставил этот парень? Как он выжил в тот день?»

По приказу принцессы пострадавшего посадили в кибитку, перебинтовали сподручными средствами, дали обезболивающую таблетку и стакан воды. На случай, если сумка принадлежала кому-то из тех разбойников, сумку девушка спрятала у себя под сиденьем. После принцесса допустила мысль, что пока и человек её не хватился. Карета тронулась, лошади потащили её дальше. Пока они ехали в Хифу, мужчина сидел напротив девушек. Смотрел исключительно на принцессу. Она смотрела на него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.